

Яд в его крови

Автор:

Ольга Кандела

Яд в его крови

Ольга Кандела

Пятьдесят оттенков магии

Я жила у берегов Ошура, в отдаленном замке на севере империи, вдали от столичной суеты и неурядиц, рядом с любящим отцом, в окружении тепла и заботы.

Но однажды в наши края приехали вестники раан-хара, и моя жизнь в один миг переменилась. Меня увезли в чужой город, разлучили с близкими и отдали человеку, который пугает меня до дрожи в коленях. И пусть бы я стала зваться его женой, но обходится он со мной не лучше, чем с рабыней, купленной на невольничьем рынке. Он приходит лишь по ночам, никогда не говорит со мной и не смотрит в глаза.

А еще у него есть ТАЙНА, которую он хранит за семью печатями. Но я обязательно ее узнаю.

Ольга Кандела

Яд в его крови

© О. Кандела, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Посланники раан-хара приехали на закате. Я завидела их еще издали: окна в облюбованной мной башенке выходят как раз на запад. С запада же несет свои полноводные потоки река Ошур, быстрая и ретивая, как северный ветер. Ее воды подходят почти к самым стенам замка, а во время весеннего половодья и вовсе норовят облизать серый многовековой гранит. Но каждый раз досадливо отступают, так и не добравшись до желанной добычи.

Сегодня же по быстрым водам Ошура скользила чужеземная ладья. Паруса ее были красными и почти сливались цветом с закатным солнцем, окрашивающим Ошур в медь и бронзу.

В наши края редко заезжают гости. Некогда плодородная и богатая живностью земля, принадлежащая моему отцу, в последние годы оскудела. Поля почти не плодоносят, из лесов ушло зверье, а следом разбежался и люд. Подались в соседние уделы в поисках лучшей жизни. И даже воды всеблагого Ошура, некогда полные рыбой, уже не в состоянии прокормить всех обитателей этих земель. Остался лишь родовой замок, чей камень по-прежнему тверд и прочен, а стены надежны. И пусть дела идут плохо, но другого дома у нас нет, да и вряд ли отец когда-нибудь решится оставить родовое гнездо. Слишком много воспоминаний связано с этим местом, слишком много надежд и чаяний. И я знаю, что родитель мой все еще тешит себя мечтами возродить былое величие Туэнга.

Еще немного полюбовавшись на изящную ладью, я подхватила юбку и поспешила к узкой винтовой лестнице. Наверняка отец станет меня искать. Все же гости пожаловали, а значит, непременно придется явиться в приемную залу. И выглядеть при этом необходимо подобающе, уж точно не босой и простоволосой.

Внизу меня поймала покрасневшаяся нянька.

– Катара, где тебя носит? Все ноги себе сбила, пока отыскала, – пробурчала Аняшь и, подхватив меня под локоток, спешно потащила к покоям.

Следующие полчаса мы на пару с обеспокоенной нянькой пытались привести в порядок мои непослушные волосы. Длинные, тяжелые и при этом гладкие, как шелк, они совершенно не хотели укладываться в традиционную прическу. Да еще нянька изрядно нервничала, и обычно цепкие руки ее тряслись. Иссиня-черные локоны выскальзывали и падали мне на плечи.

– Вот же ж напасть, – причитала она под нос. – Уж сколько лет гостей не было, а тут... Сами посланники раан-хара нагрянули! Хоть бы проездом. А то ж...

Гребень выпал из рук пожилой женщины, и она нагнулась, чтобы поднять вещь.

– А то что? – полюбопытствовала я, глядя, как нянька неловко шарит под туалетным столиком.

Кто такой раан-хар я, конечно, представляла и его знаки отличия на алых парусах узнала без труда, но все же хотелось услышать, что поведает Аняшь. Она-то поболее моего живет на этом свете.

– Что-что, – вновь пробурчала няня и, кряхтя, поднялась с колен. – От посланников раан-хара добрых вестей не жди. Или Цветок Смерти проснулся, или...

Она не договорила. В дверь постучали, и, дождавшись позволения войти, на пороге возник поверенный отца.

– Господин Киени просит вас спуститься в приемную залу, – коротко сообщил он.

Аняшь мигом собралась, и руки ее проворно запорхали над моей прической.

На нижний этаж спускались в гнетущем молчании. Шедший впереди поверенный выглядел напряженным, спину держал ровно, словно палку проглотил. Пока мы преодолевали длинный коридор и лестницу, он ни разу не обернулся и не обронил ни слова. Лишь бросил мимолетный взгляд на Аняшь, и та крепче

сжала мою ладонь, словно подбадривая.

В приемной уже ждал отец. Гости расположились там же. Четверо стражей в черных доспехах и тщедушный седой старик в расшитом золотом хитоне. Руки его были унижены множеством браслетов: массивных, украшенных драгоценными камнями, и совсем тонких, как нити. И все они слегка позвякивали при движении, неминуемо привлекая к себе внимание.

Я оторвала взгляд от богатых украшений старца и еще раз посмотрела на стражей. Судя по тому, что они не переоделись с дороги, задерживаться надолго не собирались. Значит, и впрямь по делу.

Лица у всех серьезные, собранные, и стоило мне войти, как все взгляды сразу обратились ко мне. Я почувствовала себя неловко. Смущенно переступила с ноги на ногу и повернулась к отцу. Тот отчего-то был бледен, кусал пересохшие губы и нервно перебирал пальцами по спинке высокого кресла.

Внутри кольнуло беспокойство: неужели Цветок Смерти и правда проснулся? Опять? Но ведь в прошлый раз уничтожили все побеги, откуда ему взяться в наших краях?

– Это моя дочь Катара, – представил меня отец, обращаясь к старцу.

Я вежливо склонила голову в знак уважения.

Старик подошел ближе, звякнув браслетами, и внимательно вгляделся в мое лицо. Глаза у него оказались на редкость яркими, голубыми, словно небо в погожий летний день. А на губах играла мягкая улыбка. Кажется, он единственный из всех не хмурился и не нервничал. Гость аккуратно взял мою руку, сжал меж своих морщинистых ладоней, сухих и теплых. Странно, но от этого простого прикосновения я почувствовала себя спокойнее. Внутри появилась нерушимая уверенность, что этот человек друг. И ничего плохого мне или моим близким он не сделает.

– Меня зовут тар Сириш, я Ведающий. Ты можешь доверять мне и ничего не бояться, дитя, – так же мягко произнес старец и обратился уже к отцу: – У вас прекрасная дочь, господин Киени. Красивая, здоровая и полная сил. Ее аура чистая и незамутненная.

– То есть она подходит? – Отец тяжело сглотнул, а во мне вновь забились тревога.

Подхожу... для чего?

– Я не могу вам ответить. Девушку необходимо проверить на Камне Жизни. И то его ответ нельзя принимать за непреложную истину. Конечное решение всегда остается за раан-харом...

Ведающий повернулся к одному из стражей, и тот протянул сверток. Тар Сириш аккуратно перенял его, развернул тряпицу. Внутри оказался ларец, каких я прежде не видывала. Сработанный из темного лакированного дерева, с тончайшей нитью позолоты по краю, инкрустированный алыми рубинами и россыпью мельчайших изумрудов. Невероятно красивая, мастерская работа.

Я глядела на ларец, словно завороченная, понимая, что не могу оторвать от него глаз. Взгляд буквально приковало к гравировке на крышке, неуловимо напоминающей все тот же знак раан-хара – меч, вонзенный в сердцевину распустившегося цветка. В горле же встал ком, что и слова не вымолвить. Отмерла я, лишь когда меня подвели к столу, на который водрузили ларец.

– Что я должна делать? – Язык слушался плохо, и оттого вопрос вышел тихим и невнятным.

– Не бойся, дитя мое, от тебя ничего не требуется. Это всего лишь обычная проверка. Ты ничего не почувствуешь, – проговорил старик. Голос его был на диво умиротворяющим и каким-то убаюкивающим. Так и тянуло довериться и не возражать ни словом.

Ведающий провернул ключ в замке и откинул крышку. Внутри и впрямь оказался камень. Округлый, словно выпуклая линза, темно-зеленого цвета со светлыми прожилками, складывающимися в причудливый узор.

В целом ничего примечательного, но сердце отчего-то застучало тревожно. Словно сейчас происходило что-то неизбежное, что-то, способное раз и навсегда изменить мою жизнь.

Старец потянулся за моей ладонью, я же решительно тряхнула головой, выгоняя туман из сознания. Испуганно отдернула руку.

– Что за проверка? Зачем она? – спросила резко и тут же прикусила язык. Отец точно не одобрит такого поведения. Ладно бы наедине. Но в присутствии других мужчин, да еще столь высокого положения... Ох, и кто меня только за язык тянул?

С тревогой покосилась на отца. Странно, но родитель, кажется, ничуть не разозлился. Напротив, подался вперед и даже рот раскрыл, чтобы ответить. Но Ведающий его опередил.

– Раан-хар ищет себе новую жену. Увы, подойти ему может далеко не каждая, поэтому девушки проходят проверку на Камне Жизни, – пояснил старец, а я мысленно застонала.

Жену? Так меня за этим привели?

Осознание происходящего окончательно выбило из колеи.

О раан-харе ходили самые разные слухи. Поговаривали, что у него имеется с десяток жен или того больше. Зачем мужчине нужно столько женщин, я совершенно не понимала. Многоженство, конечно, распространено, особенно среди знати. Но всему есть свой предел! Да и перед глазами всегда был пример отца: единожды женившись на матери, о других женщинах он и не помышлял. И даже после ее смерти остался верен своей избраннице.

А этот раан-хар... Ему все мало! И ведь отказаться нельзя! Это все равно что сказать «нет» самому императору. Хотя, пожалуй, императору отказаться проще. Раан-хар же по закону имеет право получить в жены любую женщину, которую только пожелает. Закон этот существует уже не одну сотню лет. Не знаю, откуда и почему он взялся, но никто из живущих не смеет его нарушать.

Полночная звезда, если б я только раньше знала, зачем пожаловали вестники...

– И что будет, если... – я невольно запнулась, боясь даже думать о таком развитии событий, – если я пройду проверку?

– В таком случае вы отправитесь с нами в Гаррад на смотрины. Если же Камень вас отвергнет, мы сегодня же покинем замок.

Я с трудом сдержала тяжелый вздох. Отец нахмурился сильнее.

Неужели моя судьба зависит от решения какого-то камня? Немыслимо, непостижимо...

– Итак, позвольте вашу ладонь, – поторопил Ведающий, а я еще раз взглянула на отца.

Тот нехотя кивнул. А что еще ему оставалось? Не перечить же вестникам раан-хара? Это все равно что подписать себе смертный приговор...

К тому же, возможно, все еще обойдется.

Под смиренным взглядом отца я протянула старцу руку. Он мягко погладил ладонь и аккуратно положил ее на Камень. На ощупь тот оказался теплым, словно держишь кувшин с парным молоком.

– Ничего не бойтесь, – шепнул Ведающий и отступил на шаг.

Первую секунду ничего не происходило, а потом рисунок на камне начал меняться. Поплыл, закружился, словно в самом сердце Камня поселился маленький смерч. Гладкая поверхность чуть нагрелась, а потом ладонь резко обожгло болью. Я отдернула кисть, тихонько ойкнув. Отец сразу метнулся ко мне, но один из стражей придержал его, чтобы не лез. Я глянула на собственную ладонь, по центру красовался крохотный прокол, словно иголкой укололась. Только крови отчего-то не было.

Я перевела взгляд на Камень Жизни и с удивлением обнаружила, что внутри, под ставшей прозрачной поверхностью, кружит тоненькая струйка крови. А сам Камень постепенно наливается светом. Золотистым и теплым, как полуденное солнце. В какой-то момент свечение стало нестерпимо ярким, Камень вспыхнул, подобно огненному шару, и стал мягко угасать.

– Поздравляю, – вымолвил Ведающий, а на лицах сопровождавших его воинов появилось новое выражение – не то радость, не то облегчение. А может, и то и другое вместе взятое. – Теперь официально вы являетесь избранницей раан-хара Лаара ор Гронта, находитесь под его покровительством и нашей защитой. Завтра на рассвете мы отправимся в Гаррад.

Я покачнулась, потрясенная услышанным. Схватила за край стола и тут же почувствовала поддерживающие объятия отца.

– Никуда она с вами не поедет! – выкрикнул он.

В голосе его было столько отчаяния и злости, что мне стало страшно. Воины тут же напряженно переглянулись. Один из них демонстративно положил ладонь на рукоять кханды. Кажется, меня собираются забирать с боем... Дикость какая...

Ведающий поднял вверх ладони, призывая собравшихся успокоиться.

– С выбором Камня Жизни не спорят. Он очень редко на кого-то указывает – это один шанс из тысячи. И он никогда не ошибается. – В голосе Ведающего не было ни грамма раздражения или угрозы, лишь миролюбивое спокойствие. – Мы объехали почти всю Северную провинцию, проверили сотню девушек. И вот наконец нашли нужную. Ваша дочь должна гордиться, что ей выпала такая честь. Если Катара понравится раан-хару, она станет его женой, а вы получите подобающую случаю компенсацию.

– Плевать я хотел на вашу компенсацию! – зло кинул отец, чем опять заставил воинов напрячься.

– Зря-я-я, – вдруг усмехнулся один из стражей. Я даже вздрогнула, не ожидала, что кто-то из них заговорит. – Насколько нам известно, ваши дела идут не столь хорошо, чтобы разбрасываться деньгами.

Отец вдруг отстранился.

– Катара, иди к себе. Я во всем разберусь, – заверил он.

Я было воспротивилась. Как бы то ни было, мне было страшно оставлять отца одного наедине с вооруженными до зубов стражами и непонятным стариком. Но мужчин принято слушаться. А главу семьи и подавно.

Ко мне тут же подбежала нянька, все это время стоявшая у дверей, и, подхватив под локоть, чуть ли не силой потащила к выходу. Я сделала вид, что послушно иду следом, но стоило нам оказаться в коридоре, как я резко вырвала руку и отпрянула от Аняш. Посмотрела на нее строго и яростно зашептала:

– Я хочу знать, о чем они станут говорить! И не смейте мне перечить!

Аняш всхлипнула и приложила ладони к лицу. Я же показала ей жестом, чтобы вела себя тихо, и прильнула к дверям, замерла, прислушиваясь, пытаюсь разобрать, о чем идет речь в приемной.

– Господин Киени! Думаю, не стоит объяснять, что сопротивляться бесполезно. Вы должны радоваться, что девушка избрана. Это большая удача.

– Чему радоваться? Тому, что у меня отнимут единственную дочь?! У меня больше никого нет! – Голос отца звучал надрывно. Еще чуть-чуть – и он совсем сорвется.

– Существует закон! – вновь заговорил один из воинственно настроенных стражей. – И вы обязаны подчиниться. К тому же если бы не раан-хар, вы и ваш удел давно были бы стерты с лица земли. Может, напомнить, сколь великую помощь оказал вам Лаар ор Гронта, когда ваш край был на грани вымирания? Он не щадил ни сил, ни собственной крови, избавляя земли Туэнга от Цветка. Забыли?

– Ничего я не забыл. – В голосе отца больше не осталось злости. Теперь он звучал сипло и надтреснуто. И для меня это означало самое худшее... – Но и вы поймите, отпустить навсегда собственное дитя...

– От вас все равно ничего не зависит. Есть закон, и мы обязаны его соблюдать.

Вещи собирала нянька. Я слышала, как она тихонько всхлипывала, пусть и старалась не показывать слез. Сама же я находилась в каком-то странном оцепенении. Все валялось из рук. Мысли испуганными птицами разлетались в стороны. Я не могла ничего делать, не могла ни о чем думать.

В голове бился лишь один-единственный вопрос: почему я? Что во мне такого особенного, что Камень Жизни вспыхнул золотом?

В дверь тихонько постучали, и на пороге возник отец. Я заметила за его спиной одного из стражей. Неужели ко мне решили приставить охрану? Боятся, что попробую сбежать?

Как там сказал Ведающий? Камень выбирает одну из тысячи? Должно быть, я очень ценный экземпляр, за таким грех не присмотреть...

Горько усмехнулась.

Отец подошел и опустился на край моей постели. Посмотрел с такой тоской и горечью, что я не удержалась – всхлинула и прижалась к его груди. Меня тут же обняли ласковые руки.

– Полночная звезда, кто бы знал, как я не хочу с тобой разлучаться... – тихонько проговорил отец, неспешно гладя меня по волосам.

Сердце сжалось от боли. Знал бы он, как я не хочу...

Ведь у нас и правда не было никого, кроме друг друга. Мама умерла еще десять лет назад, ее забрал Цветок Смерти.

Он пророс в лесной глуши, там, куда нет хода ни грибникам, ни охотникам. И пустил ядовитые побеги во все стороны света, сеял споры, заражая лес. Люди заметили неладное слишком поздно. Зараза подобралась близко к жилью. А мама любила гулять в лесу, особенно в начале лета, когда на светлых полянках спеют сладкая земляника и дикая малина. Кто же знал, что ту же самую полянку облюбует и Цветок Смерти?

С тех пор мамы с нами нет. Лес захирел, а ближайшие поля оказались отравлены. Некоторые так до сих пор и не плодоносят, хотя уже столько времени прошло...

– Мы еще увидимся? – Я вскинула голову и поглядела в сине-зеленые отцовские глаза. Ощупала взглядом лицо с сеточкой морщин, пытаюсь запомнить все до мельчайших подробностей. Изгиб губ, ласковый, чуть нравоучительный взгляд, ямочку на подбородке и вертикальную складку, залегшую меж бровей.

– Если раан-хар выберет тебя... – отец запнулся, – нам не суждено будет больше встретиться.

– Но почему? – Я искренне недоумевала. Замужество ведь еще не конец жизни! И пусть владения раан-хара находятся за много десятков лиг отсюда, это не повод запрещать свидания с семьей!

– Если б я только знал... – Родитель тяжело вздохнул. – Если бы позволили, я бы бросил все и поехал за тобой. Но мне запрещено... Впрочем, возможно, ты ему еще не понравилась и тогда спокойно вернешься домой. И мы вновь будем вместе!

Отец ободряюще улыбнулся и шутливо потрепал меня по волосам. И хотя он старался выглядеть беззаботно, а говорить твердо, я прекрасно чувствовала, что он в это ни капли не верит.

– Неужели же нет способа отказаться? – произнесла я тихо. Где-то внутри еще теплился крохотный огонек надежды.

– Существует закон, и мы не вправе его нарушать. К тому же я и вправду многим обязан раан-хару.

– Ты про то, что он вычистил наши земли от Цветка Смерти много лет назад?

– И не только, – выдохнул отец, а взгляд его сделался задумчивым.

И по одному этому взгляду я поняла, что он погрузился в далекие воспоминания. Далекие, но отнюдь не самые приятные.

Мы с отцом почти не вспоминаем то лето. Да и не помню я ничего с тех времен.

Сколько лет мне тогда было? Семь, восемь? И не ребенок уже вроде, но отчего-то моя детская память не сохранила воспоминаний о тех страшных событиях. Говорили, что сказался шок от потери матери. И в какой-то мере я была даже рада этому обстоятельству. Не хотела бы, как отец, раз за разом возвращаться в прошлое и пропускать через себя те эмоции, те мысли. Вновь и вновь переживать случившееся...

– Знаешь, – неожиданно продолжил родитель, – я никогда тебе не рассказывал, но тогда от Цветка Смерти пострадала не только твоя мать.

– В смысле? – Я растерянно поглядела на отца.

– В тот день вы ходили за ягодами вместе. На лесную опушку. Излюбленное место ваших прогулок. Теплое, светлое. Не предвещающее никакой беды. Вас обеих нашли на той поляне. Твоя мать была уже мертва – надышалась ядовитых испарений. Ты же находилась в беспамятстве.

Я неверяще потрясла головой. Ничего подобного я, разумеется, не помнила. И ни отец, и никто другой за всю мою жизнь ни разу не обмолвились о произошедшем.

– И что потом? – невнятно спросила я. Язык почему-то слушался плохо. Словно занемел.

– Тебя принесли в замок. Пытались лечить. Но ты не приходила в себя. Долго. А потом приехал раан-хар. Путь из столицы неблизкий, и к тому моменту, как он доехал, мы почти отчаялись. Да еще Цветок этот... Как только не боролись с напастью! Ни огонь, ни соль не помогали. Цветок Смерти лез из всех щелей, и стоило уничтожить один побег, как наутро появлялись новые. И так раз за разом. Раан-хару понадобилось целых два месяца, чтобы очистить земли Туэнга.

Я во все глаза смотрела на отца и слушала его, затаив дыхание, боясь упустить хоть слово. Отчего-то все это казалось очень важным. Да и о раан-харе хотелось узнать как можно больше.

– Он и тебе тогда помог. Можно сказать, что ты обязана ему жизнью, – в завершение рассказа произнес отец и невесомо погладил меня по щеке. – Не знаю, как бы я жил, если бы ты отправилась на тот Берег вслед за матерью...

Я ласково улыбнулась родному человеку и тихонько спросила:

– И поэтому ты не можешь ему отказать?

– Верно. Вряд ли он, конечно, помнит о том случае, слишком много времени прошло. Да и выздоравливать ты начала уже после его отъезда. Но я помню о помощи и должен отплатить тем же...

– Я понимаю. – Тяжело вздохнула и ткнулась лбом в отцовское плечо.

Риньяр Киени всегда был человеком чести и сейчас не изменял себе.

Что ж, если такова моя судьба, пусть так оно и будет. В конце концов, не для того ли меня воспитывали, чтобы я стала хорошей женой, а потом и матерью? И может ли быть партия достойнее, чем сам раан-хар империи Семи Рек?

Нет, достойнее точно никого не сыщешь. Но отчего же тогда так тягостно на душе?

Глава 2

Путь до Гаррада занял добрых полторы недели. Волны качали ладью, трепал паруса промозглый ветер. Все же путешествие по реке в самом начале весны – не слишком удачная затея.

Я все время мерзла, с носом куталась в шерстяной палантин и старалась как можно реже выходить из шатра. От непрерывной качки кружилась голова. Пейзаж за бортом угнетал. Берега стояли голые, перекрученные корневища деревьев торчали из размытой земли, а ветки их, темные и безжизненные, словно скрюченные старушечьи пальцы, тянулись к серому низкому небу.

Странно, но за все время путешествия не выдалось ни единого погожего денька. Кажется, вездесущее небо каким-то образом отражало мое тоскливое настроение. А в мой последний день в родном Туэнге, помнится, стояло солнце.

Тар Сириш всячески развлекал меня разговорами. О чем только он не болтал: и о столичной погоде, и о красотах Гаррада, и о бесчисленных путешествиях, что успел совершить за свою долгую жизнь. Рассказывал забавные истории из молодости и много всего еще.

Но ни разу за все время поездки старик не коснулся темы грядущих смотрин и моего замужества. На все мои вопросы отмахивался – мол, в свое время обо всем узнаешь. Такое чувство, что то, что происходит за стенами резиденции раан-хара, – тайна за семью печатями.

Стоит ли говорить, что чем ближе мы подъезжали к Гарраду, тем больше усиливалось мое волнение. И продолжать путешествие не вмоготу – и прибыть во дворец страшно.

В итоге, под конец десятых суток пути, мы наконец очутились в столице империи. Резиденция раан-хара встретила широко распахнутыми воротами, пышным убранством и парой десятков слуг, что с поклоном встречали нашу процессию.

Осмотреться мне толком не дали. Почти сразу подхватили под локотки служанки и увели в выделенные мне покои. На отдых тоже не пришлось рассчитывать. Первым делом меня отвели в огромную купальню, что могла поспорить размерами с моей спальней в замке Туэнга, и принялись нещадно отскребать приставшую грязь. Драили с такой силой, что казалось, грязь сойдет вместе с кожей. Волосы помыли не дважды, а даже трижды. Кожу обработали голубой глиной, потом натерли маслами для мягкости. Но уже через десяток минут соскребли и их.

И чем дольше меня мыли, натирали и драили, тем сильнее было ощущение, что меня готовят не к смотринам (из оброненных служанками фраз я поняла, что они состоятся сразу же), а уже к самой свадьбе. Даже зубы натерли специальным порошком и заставили терпеть мучительное жжение, пока они не станут идеально белыми.

С непослушными волосами вышколенные служанки управились куда лучше и проворнее моей няньки. Собрали аккуратно, не оставив ни единого непристроенного локона или волоска.

Нижнее белье надеть не позволили. Все, что мне полагалось, – широкий кусок тонкой, невесомой ткани, обернутый вокруг тела. Да так, что снять его можно было одним легким движением: всего-то и надо было, что потянуть за свободный конец.

Я запоздало подумала, что, наверное, раан-хар пожелает осмотреть меня обнаженной. От проскользнувшей мысли по коже побежали мурашки, а щеки опалило волной жара.

А чего я ожидала?

Он ведь жену себе выбирает, а не прислужницу для мытья ног. Конечно, он станет меня осматривать, наверняка и в зубы заглянет. Недаром их так усердно начищали!

В общем, чувствовала я себя отвратительно. И в голову то и дело приходило сравнение с кобылой, выставленной на торги. За единственным отличием, что потенциальный покупатель всего один.

И мне совершенно не хотелось ему понравиться!

После всех приготовлений меня вывели из покоев и повели по узкому полутемному коридору. И как я ни старалась, не могла отделаться от ощущения, что меня ведут каким-то потайным путем или вовсе коридорами для прислуги. Будто что-то скрывают. Намеренно не хотят показывать жилые помещения и приемные залы дворца. А может, попросту считают недостойной топтать те же ковры, по которым ходит здешний хозяин. Конечно, кто я – а кто раан-хар?

После полутемных коридоров меня провели в такой же полутемный зал. Источник света тут был всего один. Узкий луч, что падал прямо с потолка и образовывал светлое круглое пятно на полу. Меня, разумеется, поставили в круг, вызвав еще одну устойчивую ассоциацию с торгами. Только подобным образом продавали не лошадей. Так продавали рабов. Вся прелесть метода состояла в том, что товар был отлично виден покупателям, а вот покупатели без труда

скрывали свои лица в тени.

– Стойте смирно. На раан-хара старайтесь не смотреть, он этого не любит. И беспрекословно выполняйте все, что потребует, – дала наставления одна из служанок, кажется, самая старшая из всех. Затем поправила складку на моем одеянии, еще раз оглядела придирчивым взглядом и вместе с остальными прислужницами бесшумно удалилась.

Я осталась одна. В полутемном зале, под пронзительным лучом света, бьющим почти в глаза. Вдруг стало зябко, и я невольно поежилась.

– Не бойся, дитя мое, – раздался голос из темноты, и теперь уже я откровенно вздрогнула. Впрочем, почти сразу успокоилась. Голос был мне знаком, да и тощая фигура в хитоне, отлепившаяся от стены, лишь подтвердила, что рядом всего лишь Ведающий. – Никто не посмеет причинить тебе вред.

Тар Сириш вновь говорил мягко и успокаивающе, браслеты на его запястьях тихонько звенели, но на этот раз легче мне не стало. Тело покрылось противными мурашками, а от мысли, что раан-хар станет осматривать меня при старце (в том, что меня станут раздевать, сомнений почти не было), стало совсем не по себе. Ладно будущий муж, но посторонний...

На шее выступил пот. Внутри вновь всколыхнулась волна паники, и пока я тщетно пыталась ее побороть, двери распахнулись во всю ширь, являя взору высокого мужчину.

И хоть ничего, кроме очертаний фигуры, я разобрать не могла, но сомнения не было – передо мной стоял самолично Лаар ор Гронта.

Человек, о котором слагают легенды. Тот, кого боготворит простой люд и к чьим советам прислушивается сам император. Залог процветания и безопасности всей нашей империи.

Человек, которому, по рассказам отца, я обязана жизнью.

Вспомнив наставление служанки, я поспешно опустила глаза. Лишь по звуку шагов определила, что раан-хар приблизился. Он застыл всего в шаге от меня.

Стоит только протянуть руку – и дотронешься. Но я разумно этого делать не стала, да и мужчина тоже не спешил ко мне прикасаться.

Молчал. Будто ждал чего-то.

На какое-то краткое мгновение, всего на миг, мне захотелось поднять глаза, посмотреть на того, с кем, возможно, придется связать судьбу. Но лишь на миг. Здравый разум тут же отбросил эту мысль. Кто знает, чем может закончиться моя дерзость. Не хотелось бы вызвать гнев или, напротив, интерес раан-хара. Ни того, ни другого я не желала. Все, чего хотела, – чтобы смотрины скорее закончились и меня отпустили домой, в родной Туэнг.

Лаар ор Гронта немного постоял, так и не проронив ни слова, а потом медленно двинулся, обходя меня по кругу. Я все же осмелилась оторвать взгляд от пола. Поглядела на него сквозь ресницы.

Высокий, мощный, движения уверенные и неспешные. Кажется, что каждый шаг, каждый поворот головы строго выверены, отточены, словно острая бритва. Будто он проделывает это ежедневно.

Впрочем, кто знает, сколько таких смотрин у раан-хара на счету. Уж точно не меньше, чем количество жен!

Волосы совсем короткие, как носят воины. Скорее темные, чем светлые, при таком освещении не разобрать. А сзади, с затылка, спускается тонкая перекрученная нитями косичка. Сползает по спине, будто маленькая хищная змейка.

Раан-хар обошел меня и встал за спиной. Я почувствовала легкое прикосновение к макушке, и в тот же миг волна гладких тяжелых волос схлынула вниз. Кажется, прическу мне делали с тем же умыслом, что и наряд...

Лаар еще приблизился.

Сквозь тонкую ткань наряда я чувствовала исходящий от него жар. Близкое дыхание шевелило волосы на макушке. Что-то с гулким стуком ударилось об пол. Видимо, заколку вышвырнули за ненадобностью. А затем раан-хар склонился ко

мне, практически касаясь волос, и жадно, с шумом втянул воздух у моей шеи. Словно дикий зверь, обнюхивающий добычу, примеряющийся, куда бы лучше впиться острыми клыками.

Меня передернуло, горло снова сковала паника.

Мужчина же чуть покачнулся, мимолетно задев мой локоть, словно потерял равновесие, но почти мгновенно выпрямился. Резко вышел из-за моей спины и направился к выходу. Бросил на ходу:

– Подготовьте все для церемонии. Мы поженимся на восходе Полночной звезды.

– Как? Сегодня? – вырвалось у меня, и я интуитивно попыталась зажать рот ладонью. Остановила себя в последний момент. Слов назад не воротишь. И уж если посмела дерзить, так чего теперь прикрываться руками?

Раан-хар остановился в дверях, спина его напряглась, а руки, кажется, сжались в кулаки. Я еле поборола в себе трусливый порыв отпрянуть, выйти из круга света и скрыться в спасительной тени. Но все же осталась стоять на месте. Лаар медленно повернулся, и мы встретились с ним взглядами.

Желание отпрянуть многократно усилилось. Взгляд его был колющий, острый, словно заточенный клинок. Он пронзал насквозь, и я замерла, боясь пошевелиться. Чувствуя себя бабочкой, пришпиленной к холсту.

– Именно, – сквозь зубы процедил мужчина и, не сказав больше ни слова, вышел прочь.

Напряжение схлынуло, а я осела на пол, дрожа от усталости и нервного перенапряжения. Кажется, у меня не осталось сил даже на то, чтобы подняться и дойти до покоев. Что уж говорить о том, что сегодня мне предстояло пережить еще и собственную свадьбу.

И ведь мне даже не дали толком отдохнуть с дороги!

Словно в ответ на мои мысли подошел тар Сириш. Сунул в руки исходящую паром кружку.

– Что это?

Я принялась и почувствовала терпкий аромат трав.

– Пей, это придаст сил. Небоже, чтобы невеста на свадьбе валилась с ног от усталости.

Поводов не доверять Ведающему у меня не было. В конце концов, не отравит же он меня. И я, задержав дыхание, залпом выпила содержимое. На вкус варево оказалось таким же терпким и жуть каким горьким. Зато взбодрило моментально, лучше свежеваренного кофейного напитка. Я почувствовала прилив сил и с благодарностью вернула старику кружку.

Тут уже и служанки подросли. И начались приготовления к церемонии.

Меня вновь вымыли...

На мой вопрос, зачем так часто нужно купаться, мне ответили, что раан-хар не терпит посторонних запахов. И посоветовали и впредь перед его приходом тщательно мыться и стирать с себя все посторонние ароматы.

Я мысленно застонала. А ведь я специально привезла из Туэнга флакон духов с запахом своих любимых лесных ландышей. Таких больше нигде нет, только в моем родном крае. И я надеялась, что аромат этот будет напоминать о доме. Но теперь о духах, кажется, можно забыть.

Впрочем, это не самая большая беда. Всего лишь мелочь в общую копилку неурядиц и разочарований. Думала ли я когда-нибудь, что уеду так далеко от дома, что буду вынуждена выйти замуж за незнакомого человека, что больше никогда не смогу увидеть отца...

Сердце кольнуло болью, и мне стоило немалых усилий не расплакаться в присутствии служанок.

Тем временем пришли художницы и под заунывную песню тонкими кистями стали наносить рисунки на мои кисти и ступни. Кожа у меня совсем бледная – в наших краях жаркое солнце редкость. Да и откуда взяться загару в начале

весны? А потому узоры получались особенно яркими. Темно-коричневые на фоне кожи цвета слоновой кости.

Дальше настал черед брачного платья, а точнее – сареи. У нас, на севере, они не так распространены. Зато здесь, на юге, где климат более мягкий и теплый, их носят почти повсеместно. Еще на подъезде к Гарраду я заметила, что столичные модницы щеголяют в ярких расписных нарядах, помимо воли притягивающих взгляд.

Мое брачное сареи было небесно-голубого цвета. По всей длине расшитое золотыми узорами и украшенное вкраплениями золотистых топазов. Часть ткани была полупрозрачной, обнажавшей плечо и живот. Тяжелые складки волнами спадали вниз. И поначалу я немного растерялась, не уверенная, смогу ли с достоинством носить такой наряд.

Волосы собрали в традиционную высокую прическу, украсили живыми цветами, а вдоль пробора закрепили золотую цепочку с подвеской-полумесяцем, усыпанной драгоценными камнями. Холодный металл лег на лоб, доставляя легкое неудобство, но вскоре потеплел, и я практически перестала замечать украшение.

Когда последние приготовления были завершены, в мои покои явился Ведающий. Осмотрел с ног до головы и благосклонно кивнул. Улыбнулся, как всегда, мягко и доброжелательно. А потом снял один из браслетов со своей руки, совсем простенький, без излишеств, и передал мне.

– Пусть это будет моим подарком к свадьбе. – Старик собственноручно надел браслет мне на запястье. Украшение оказалось большим, все же снято было с мужской руки. А потому с запястья браслет перекочевал чуть выше локтя да так и остался там, блестя тонкой ажурной полоской. – И пусть он принесет тебе удачу.

Ведающий приподнялся на мысках и по-отечески поцеловал меня в лоб.

На глазах выступили непрошеные слезы – совсем не такой я видела собственную свадьбу...

Хотя бы потому, что рядом не было отца. Я всегда представляла, как он поведет меня под венец, как со словами благословения передаст в руки будущему мужу. Скажет напутственное слово.

Но отца рядом не было. Я была одна. Совсем одна в чужом городе, в чужом доме, среди незнакомых людей. Служанки вновь повели меня полутемными коридорами. Правда, путь наш был короткий, и вскоре мы оказались во внутреннем дворе.

Здесь стояла непроглядная тьма. Даже мощеных дорожек – и тех было почти не видеть. Я запрокинула голову к небу. Первые звезды уже украсили своим светом бархат небосвода, но Полночная звезда еще не взошла. Значит, у меня есть еще немного времени. Хотя что это даст? Лишь небольшую передышку перед неизбежным...

Тем временем мы завернули за угол какого-то строения и попали в сад. Я на мгновение растерялась, ослепленная. Все же после тьмы тайных тропок здесь было слишком много света. Насколько хватало взгляда, все деревья были украшены разноцветными фонариками. Желтыми, красными, зелеными. Они освещали кроны деревьев и мягкую молодую травку под ногами, тянулись стройными рядами меж выложенных мозаикой дорожек.

Но даже не это удивило меня.

Во всей империи стояла ранняя весна, и на ветках деревьев только-только начинали проклевываться первые смолистые листочки. Здесь же уже вовсю буйствовала растительность. Деревья стояли нарядные, с пышной листвой и тугими бутонами цветов, что были готовы вот-вот распуститься.

Я дотронулась до одного – и он лопнул прямо на глазах. Раскрылся ярким веером, и тонкий цветочный аромат защекотал ноздри. И словно по мановению волшебной палочки остальные бутоны один за другим стали распускаться. Я застыла возле дерева словно замороженная, наблюдая за чудом природы.

Хотя вряд ли тут постаралась именно она. Все же раан-хар достаточно обеспеченный человек, если не сказать больше, и нанять для красоты собственного сада нескольких Природников для него не составило бы никакого труда. Отсюда и объяснение всем происходящим вокруг чудесам.

– Нас уже ждут, – тихий голос вырвал из размышлений и заставил оторваться от любования цветами.

Я еще раз глянула на небосвод. Полночная звезда тусклой сиреневой капелькой повисла на ожерелье Звездной Танцовщицы. Совсем скоро она наберет силу, засияет ярче, знаменуя приход полночи.

И правда пора...

Мы прошли по резному мостику, мимо рукотворного прудика, полного блестящих чешуей рыб и спящих цветов лотоса. Вышли на аллею, в конце которой возвышалась ажурная беседка, так же, как и деревья, освещенная слюдяными фонариками, чей свет пытался пробиться сквозь тугие переплетения дикого вьюна. А в беседке, у низкого резного столика, меня уже ждал будущий муж.

Я невольно залюбовалась им. Высокий, статный, облаченный в белоснежный шервани, расшитый золотым и красным, украшенный яркими, словно свежая кровь, рубинами, Лаар ор Гронта был похож на настоящего принца, о коем в юности грезят все мало-мальски романтические девицы.

Я почувствовала, как болезненно забилось сердце в груди. И сама не знала, то ли от радости, то ли от страха.

Я чуть придержала шаг, позволяя цветочницам выйти вперед. В руках у них были большие плетеные корзины, полные розовых лепестков. Лепестки посыпались мне под ноги, а слуха коснулась легкая мелодия.

Всего несколько шагов отделяли меня от увитой цветами арки, венчающей вход в беседку. Я прошла их с бешено колотящимся сердцем, ступая на мягкий ковер из лепестков, не в силах отвести взгляда от ожидающего меня мужчины.

Остановилась у низкой ступеньки, сняла сандалии, обнажая ноги. Раан-хар подал мне руку, помогая подняться. Ладонь его была большой и горячей, а прикосновение, вопреки ожиданиям, оказалось приятным.

Вот только стоило заглянуть ему в лицо, как с сознания мигом спала пелена. Глаза его были серые, холодные, словно металл. И не выражали ничего, кроме глухого равнодушия.

Неужели я ему совсем не понравилась? Но если так, зачем же тогда жениться?

Кажется, я совсем растерялась. Отвела глаза, не в силах смотреть в лицо будущему мужу. Благо мягкий голос Ведающего отвлек от неприятных мыслей. Обычно браки у нас заключают Жрецы. Но насколько мне известно, Ведающие тоже обладают подобной властью, так что присутствие тар Сириша меня ничуть не удивило. Напротив, я бы скорее изумилась, если бы церемонию проводил кто-то другой.

Повинуясь жесту Ведающего, мы опустились на колени по обе стороны низкого столика. На нем уже стояли корзинка с хлебом и ритуальная чаша, до краев полная искристым напитком, с нежно-розовой магнолией, плавающей по центру.

Тар Сириш принялся нараспев зачитывать строки Обряда, а я подумала, что брачный нектар, должно быть, очень приятный на вкус. Еще нянька, помнится, рассказывала, что лучше ничего не сыщешь. Слишком редким он был и слишком ценным. А еще слегка дурманил голову, опутывая мысли и тело сладкой истомой. Только вот откуда Аньяшь могла все это знать, неизвестно – сама-то она не была замужем.

Я же даже не предполагала, что мне так скоро предстоит вкусить брачный нектар.

Раан-хар первым поднес напиток к губам, сделал небольшой глоток. Передал чашу мне, я приняла ее дрожащими руками. Немного отпила, чувствуя на языке приятную сладость и легкий привкус хмеля. Вслед за напитком мы разделили хлеб. Я оторвала небольшой кусочек лепешки и протянула мужчине, чтобы он съел его из моей руки. Лаар проделал то же самое, только кусочек он отщипнул больно маленький, и когда я брала его губами, случайно коснулась мужских пальцев.

На миг в глазах раан-хара что-то вспыхнуло. Жаркий огонь, разом опаливший меня, так что вдруг стало трудно дышать. Но длилось это всего лишь миг, спустя который взгляд ор Гронта вновь сделался холодным и равнодушным.

Ведающий вновь затянул свою песню.

Раан-хар поднялся, подал руку, помогая мне встать – в длинном тяжелом сареи это оказалось не так-то просто. Я повернулась лицом к Ведающему для нанесения брачной метки. Эта традиция всегда казалась мне странной. Нет, не само наличие метки, а то, что наносят их только женщинам. Мужчины же вольны распоряжаться собственным телом, как сами того пожелают. У моего отца был знак на виске. Совсем небольшой, но хорошо заметный окружающим – дань уважения и символ верности своей избраннице. У раан-хара же не было ни единой метки. Я рассмотрела его лицо внимательно. Широкий нос, губы, сжатые в прямую линию, твердый подбородок. Короткие темные волосы и линии, выбритые на висках. И даже шею, насколько позволял ворот шервани. Но так ничего и не нашла.

Раан-хар встал за моей спиной. Аккуратно снял с моих волос подвеску-полумесяц, обхватил ладонями голову. В руках Ведающего блеснуло тонкое лезвие. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться и максимально расслабиться. Знала, что будет больно, но когда лезвие коснулось кожи меж бровей, не смогла сдержать шипения и непроизвольно попыталась дернуться. Руки Лаара мгновенно сжались, фиксируя голову, не позволяя отстраниться ни на дюйм. А потому мне оставалось лишь зажмуриться, пережидая боль. Благо продлилось это недолго. Тар Сириш сделал крохотный надрез, следом извлек из шкатулки загодя приготовленный камень – небесной синевы сапфир в тонкой оправе из золота. Приложил украшение к свежей ране и надавил, одновременно шепнув несколько слов на неизвестном мне языке. Место вживления налилось жаром и закололо тысячей иголок. Я вновь стиснула зубы. Но стоило старцу убрать руку, как жжение исчезло. Лишь только горячая мокрая струйка, ползущая по переносице, доставляла неприятные ощущения. И, кажется, на глазах все-таки выступили слезы.

Я уже хотела смахнуть их, но мне не позволили. Раан-хар развернул меня и вытер кружевным платком мой лоб. Белоснежная ткань окрасилась красным.

Первая кровь – и первая боль.

О том, что сегодня меня ждет еще и другая, старалась не думать.

– Благословляю сей священный союз. Да озарит его свет Полночной звезды, да пребудет с вами благодать всех семи богов, – произнес Ведающий, разрывая повисшее молчание.

Кажется, после этих слов жених должен поцеловать невесту? Или уже муж жену?

Раан-хар приблизился и невесомо коснулся губами моего лба, как раз в том месте, где красовалась вживленная брачная метка. Бо?льшим меня не удостоили. Впрочем, этого было вполне достаточно, чтобы ритуал считался завершенным.

И теперь, как бы странно это ни было осознавать, я официально стала женой Лаара ор Гронта, единственного раан-хара империи Семи Рек.

Мысль совершенно не хотела укладываться в голове. Все казалось, что это поправимо. Что еще есть шанс отступить, передумать, отказаться...

Теперь же у меня на лбу красовалась брачная метка, и мне предстояло наконец смириться, что пути назад нет. Жизнь моя всецело принадлежит мужу, и лишь от него одного зависит моя судьба. И холодный взгляд серых глаз отнюдь не сулил мне счастливого будущего.

И оттого еще более удивительным было, когда раан-хар подхватил меня на руки и под слаженный аккомпанемент музыкантов и сыплющиеся на голову розовые лепестки понес ко дворцу.

На сей раз не было полутемных коридоров: мимо проплывали богато украшенные залы, галереи, анфилады колонн и изящные статуи. Я восхищенно смотрела по сторонам – никогда прежде мне не доводилось видеть столько роскоши в одном месте – и даже позабыла о том, куда и зачем меня несут.

О том, что происходит между мужчиной и женщиной за закрытыми дверями спальни, я имела смутное представление. Мама умерла слишком рано, а няня, когда заходил разговор на столь щекотливую тему, обычно густо краснела и отделивалась какими-то общими фразами. Все, что я запомнила из ее сумбурных объяснений, так это то, что в первый раз бывает больно и нужно всего лишь перетерпеть. Зато потом, если муж станет уделять достаточно внимания, все

само собой наладится. И будет даже приятно...

А еще в меня старательно вбивали, что святая обязанность любой женщины – всячески ублажать мужа, тогда и жизнь будет слаще. Знать бы еще, как именно это делается...

Тем временем мы оказались в брачных покоях.

Я поняла это по лепесткам, устилавшим пол и постель, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы сердце начало бешено колотиться, норовя выскочить из груди.

Стоило переступить порог, как стоявшие у дверей слуги закрыли за нами тяжелые створки, отрезая от остального мира. Я невольно вздрогнула. Все же я боялась оставаться наедине с раан-харом, пусть он и был теперь моим мужем.

А еще в покоях разом стало темнее. По стенам дрожали огоньки свечей – их было столько, что и не сосчитать. И мне понадобилось какое-то время, чтобы после ослепительных залов дворца привыкнуть к новому, не столь яркому освещению.

Лаар опустил меня у кровати и первым делом сдернул с нее покрывало. Розовые лепестки на мгновение взвились в воздух и тут же осели, разметавшись по шелковым простыням. Раан-хар же, не церемонясь, швырнул покрывало на пол и схватился за свободный край моего сареи.

Честно говоря, я ожидала, что он хотя бы скажет что-то. Поцелует... Или что там принято между супругами?

Но вместо этого муж сразу принялся освобождать меня от брачного наряда. Да так рьяно, что я совсем растерялась. Сжалась вся, не зная, как бороться с накатившим смущением. Движения его были быстрыми, резкими, какими-то жадными. Будто он сдерживался всю церемонию, а сейчас наконец отпустил себя. Я даже испугалась, что он ненароком порвет дорогую ткань. Но самого мужчину это, кажется, ничуть не волновало. И от этого становилось еще более волнительно. Обнаженная кожа покрылась противными мурашками, колени предательски дрожали, грозя вот-вот подогнуться.

Украшения раан-хар попросту сорвал. Крупные бусины поскакали по полу, а остатки некогда дорогих и изящных цепей бесформенной грудой остались валяться у ног. Я мимолетно порадовалась, что не ношу серег – вряд ли бы он стал с ними возиться.

Сейчас Лаар ор Гронта походил на помешанного: в глазах его пылал дикий огонь, дыхание было тяжелым и прерывистым. И одного взгляда на его перекошенное лицо мне хватило, чтобы горло сковал ужас.

Он сорвал с меня абсолютно все. Оставив полностью обнаженной, уязвимой, беззащитной. Нетронутой осталась лишь прическа, но та больше открывала, чем прятала от горящих злым предвкушением глаз.

Лаар же резко развернул меня и прижал спиной к своей груди. Он по-прежнему был одет, и рубины, украшавшие шервани, царапнули кожу на лопатках. Раан-хар, как и на смотринах, склонился к моей шее и жадно втянул носом воздух. По его телу прошла волна дрожи. Рука на моей талии сжалась сильнее, буквально впечатывая в крепкое тело за спиной. Кожу на лопатках еще больше закололо от соприкосновения с острыми гранями драгоценных камней. Я дернулась, пытаюсь хоть немного отстраниться, и в тот же миг над ухом раздалось недовольное рычание:

– Не ерзай...

А потом он с силой толкнул меня на кровать. Я неловко плюхнулась на живот, оказавшись в весьма недвусмысленной позе. Инстинктивно приподнялась, желая перевернуться, но мне вновь не позволили.

– Лежи смирно, – приказал раан-хар, и я испуганно замерла.

Голос у него был низкий, жесткий, властный. С таким даже мысленно не захочется спорить.

За спиной раздался тихий шелест – кажется, мужчина сбросил одежду. Стало совсем не по себе. Захотелось спрятаться, сжаться в комочек. Притянуть ноги к груди, а лучше – завернуться в простыню, укрываясь от чужих глаз и неминуемых прикосновений.

Он коснулся всем телом сразу. Прильнул сзади, горячий, обнаженный, твердый как скала. Ухватил поперек талии и приподнял, удобнее укладывая на кровати. Я вновь попыталась перевернуться. Отчего-то не хотелось, чтобы он взял меня так, сзади, словно я какая-то подзаборная псина или, того хуже, рабыня. А еще я надеялась, что смогу хоть немного усмирить его. Что, заглянув в лицо, увижу хотя бы каплю нежности или участия.

Но раан-хар лишь надавил рукой меж лопаток, с силой прижимая к перине, второй же рукой чуть приподнял мои бедра. И сразу ткнулся резко и болезненно. Похоже, ничего не вышло – он зарычал, выплюнув какое-то ругательство... Я почувствовала его влажные пальцы между ног.

Всеблагой Ошур, он что, их облизал?

Лаар вновь подался вперед, прижимаясь к моим бедрам. Надавил с силой, и тело прошило резкой болью. Я не сдержала вскрика. Вцепилась обеими руками в простыню. Казалось, он пронзил меня насквозь. Тело безотчетно выгнулось, и я рванулась вперед, желая отстраниться, вытолкнуть его из себя.

Но это было все равно что бороться с каменной глыбой. Он придавил меня всем весом, сжал ладони на ягодицах, чтобы я даже помыслить не могла о сопротивлении, и задвигался во мне резко и быстро. Грубые толчки отдавались болью внизу живота, между ног жгло, будто по мне прошли щеткой с жесткой щетиной. Цепкие пальцы впивались в нежную кожу. А я могла лишь кусать губы и тихонько подвывать, молясь богам всех семи рек, чтобы это поскорее закончилось.

И если терпеть физическую боль, хоть сквозь зубы, я могла, то чувство собственной беспомощности окончательно меня раздавило.

Неужели любой мало-мальски сильный мужчина мог запросто сотворить со мной такое? Понятно теперь, почему отец так берег меня, ограждал от всякого лишнего общения и встреч с мужчинами. Жаль только, оградить от раан-хара он меня так и не смог...

На меня вновь накатила тоска и глубокое чувство жалости к самой себе. И когда муж протяжно застонал и наконец вышел из меня, я даже не попыталась пошевелиться. Лишь только услышав удаляющиеся шаги и хлопок закрывшейся

двери, приподняла голову и огляделась. Из смежной комнаты донесся шум воды. Кажется, господин решил освежиться.

Я бы тоже была не против сейчас залезть под теплые водные струи. Смыть с себя чужие прикосновения и пот, выступивший на шее. В других местах тоже не мешало бы помыться. Между ног было мокро, противно и саднило так, что я с трудом могла стоять. Глянула на свое обнаженное тело и с ужасом обнаружила на внутренней стороне бедра тонкую струйку крови.

За неимением под рукой ничего лучшего схватила с пола брошенную нижнюю юбку и отерла ноги. Вот и вторая кровь. Но почему же так много?

Раздумывать о том не стала. Тело налилось слабостью, и я с ногами забралась на перину. Свернулась клубочком, подтянув колени к груди.

Над кроватью висел пурпурный балдахин из легкой полупрозрачной ткани. Я потянулась к крученому шнуру и дернула за него. Занавеси мягко упали, смыкаясь со всех сторон. Пусть полупрозрачная ткань была никчемной преградой на пути раан-хара, но так я чувствовала себя хоть немного защищенной.

Вскоре шум воды смолк, и дверь купальной тихонько отворилась. Я вся сжалась, ожидая худшего. Представила, как Лаар ор Гронта подходит к постели, отодвигает тонкую завесу и ложится рядом. Или, хуже того, продолжает начатое. Тогда я точно умру...

Я испуганно всхлипнула и прижала ладони ко рту. Может, если буду вести себя тихо, он вовсе обо мне забудет. Еще бы как-то сдержать слезы, рвущиеся из глаз...

Сквозь занавесь я видела темную фигуру мужа. Он приблизился к кровати, заставив меня безотчетно затаить дыхание, нагнулся, кажется, подобрал что-то из своих вещей. А потом, вопреки моим ожиданиям, вышел из покоев. И не вернулся до самого утра.

Лаар

Лаар ор Гронта был зол, недоволен, неудовлетворен.

Бившееся внутри желание неистово терзало тело. И даже вылитое на голову корыто с ледяной водой не помогло остудить разгоряченную кровь.

Поиски новой жены заняли четыре месяца. И все это время раан-хар не касался других женщин. Целых четыре месяца – слишком долгий срок для молодого здорового мужчины! И, конечно же, одного короткого совокупления ему не хватило, чтобы утолить свою жажду.

Да еще эта девица...

Она пахла так, что раан-хар мгновенно терял голову. Ее запах был сильным, сладким, таким соблазнительным, что не было никаких сил удержаться. И помимо прочего, были в нем какие-то новые нотки. Неизвестные, неизведанные. Ничего подобного он прежде не чуял в женщинах. И, признаться честно, он так и не смог до конца понять, нравятся ему эти новые оттенки или нет. Но все вместе... они сводили мужчину с ума.

Он сам не понимал, как сумел продержаться целую церемонию. Как не сорвался прямо посреди брачного ритуала, когда невеста мимолетно коснулась его пальцев губами. Как не набросился на нее еще на смотринах. Он уже тогда не мог думать ни о чем, кроме их первой близости.

И сейчас его единственным желанием было вернуться в покои молодой жены и продолжить начатое. Терзать ее тело всю ночь напролет. Сжимать в объятиях, вдыхать его пряный аромат, раз за разом входить в ее тугое лоно и рычать от удовольствия.

Только вот раан-хар прекрасно знал, чем заканчивается такая несдержанность.

А еще он был твердо уверен, что девица сейчас вовсю ревет в подушку. Женских слез Лаар на дух не переносил. Они отчего-то неотвратимо заставляли его чувствовать себя виноватым.

А это чувство ох как не нравилось раан-хару!

Не нравилось настолько, что он был готов подождать. До завтрашнего утра, а может, даже вечера. Чтобы новой жене точно хватило времени проплакаться, прийти в себя и смириться.

Смирение. Исконно женская черта.

Лаар по личному опыту знал, как легко оно им дается. Что может быть проще, чем смириться? Прогнуться, подчиниться тому, кто сильнее.

А Лаар ор Гронта, без сомнения, был сильнее многих. И от всех вокруг он непременно требовал полного и безоговорочного подчинения.

Глава 3

Я так и заснула. Немытая, с застрявшими в спутанных волосах заколками, завернутая в простыню, словно в кокон. Балдахин был по-прежнему зашторен, но судя по струящемуся сквозь тонкую ткань свету утро уже давно вступило в свои законные права. А еще в комнате явно кто-то был: до меня донеслись тихий шорох и еле слышные перешептывания.

Я аккуратно отвела в сторону занавесь и выглянула наружу. В покоях оказалось по меньшей мере пятеро служанок, занимающихся уборкой. Кинула обеспокоенный взгляд на пол. Ни моей одежды, ни разорванных украшений там уже не было. Вспомнила про перепачканную кровью нижнюю юбку и чуть не взвыла с досады. Уж красные разводы на нежно-голубой ткани они-то точно заметили! Я же теперь умру со стыда...

– Доброе утро, рани. – Мое пробуждение, как и полагается, не осталось незамеченным. Одна из служанок уже стояла подле кровати и, сложив ладони лодочкой, низко поклонилась. – Желаете, чтобы вам принесли завтрак, или хотите сначала освежиться?

Я немного растерялась. Непривычна была к такому обслуживанию. В нашем родовом замке слуг было мало, и все они были заняты гораздо более важными делами, нежели прислуживание хозяевам. Впрочем, я вспомнила о собственном

неподобающем виде и без колебаний ответила:

– Освежиться.

– Хорошо. Купель уже готова. Позвольте, я вам помогу. – Служанка без лишних слов принялась собирать в складки ткань балдахина. Я смущенно подобрала край простыни, что служила мне единственным прикрытием, и неловко встала. – Кстати, меня зовут Хальди. Я буду вашей наперсницей. Так что со всеми вопросами и за любой помощью непременно обращайтесь ко мне.

Я кивнула и покосилась на остальных служанок. Двое из них как раз вошли в купальню и принялись там что-то расставлять. А мне в голову закралось подозрение, что меня станут отмывать с тем же рвением, что и вчера перед смотрами. К такому я точно была не готова, а потому тихонько попросила:

– А можно... я как-нибудь сама помоюсь?

– Что вы, рани? – Хальди всплеснула руками. – Сама-то вы точно не управитесь. Позвольте, хоть я помогу.

Наперсница жестом отослала остальных служанок и плотно закрыла за нами двери купальной. Первым делом сдернула с меня простынь. Я опять смутилась. На белоснежной ткани осталось красное пятно. Впрочем, Хальди особого внимания на это не обратила (или сделала вид, что не обратила) и, не раздумывая, сунула простыню в корзину с бельем.

Я же быстрее нырнула в исходящую паром воду. Принялась распутывать прическу, что за ночь пришла в совершеннейшую негодность. Тут помощь Хальди оказалась как нельзя кстати, сама бы я все эти мелкие заколочки точно не вытащила.

Слава Ошуру, на сей раз драить до покрасневшей кожи меня никто не стал. То ли не посчитали испачканной, то ли... визита мужа можно было сегодня не ждать.

– Хальди, а... господин не приходил? – решила спросить я, пытаюсь хоть немного прощупать почву. Пусть в постельных делах я еще совсем неопытна, но

все же не столь наивна, чтобы полагать, что раан-хар не вернется. Наверняка вернется и... захочет повторить. Вопрос лишь в том, как скоро.

– Нет, господин предпочитает проводить время в своих покоях.

Так у него отдельные покои?

Это хорошо. Значит, мне не грозит случайно столкнуться со здешним хозяином.

Я немного успокоилась и расслабилась, отдаваясь умелым рукам наперсницы, что натирала мою кожу душистым маслом.

– Но к вечеру вам необходимо быть готовой, – меж тем продолжила Хальди. – Наверняка хозяин захочет вас навестить.

А вот это совсем не обрадовало. Между ног по-прежнему саднило. А от одной лишь мысли, что он вновь станет грубо и резко входить в меня, к горлу подступало отвращение. И вряд ли к вечеру что-то изменится. Но как когда-то приговаривала моя няня, мы – женщины и удел наш – терпеть все прихоти мужей.

Я тяжело вздохнула и откинулась на бортик купальной чаши, пытаюсь найти в своем незавидном положении хоть какие-то положительные моменты. И один точно нашелся – раз муж придет лишь вечером, то у меня достаточно времени, чтобы осмотреться и хоть немного разобраться в здешних порядках.

После сытного завтрака, который доставили прямо в покои, мы с помощницей отправились гулять по дворцу.

И я вновь забылась, погрузившись в чарующее великолепие здешних залов.

Уж не знаю, кто обставлял дворцовые помещения, но вкус у этого человека явно имелся. А еще присутствовала немалая страсть к драгоценным камням и металлам. Каждый коридорчик, каждая комната владений раан-хара была отдельным произведением искусства. В приемном зале меня покорила мозаика во всю стену. Выложенная из ярких самоцветов, она изображала двух огромных жар-птиц, пляшущих в лучах закатного солнца. Библиотека поразила уходящими

ввысь расписными сводами и огромными стрельчатыми окнами, тянущимися к самому потолку. Широкие коридоры и галереи украшали диковинные статуи и напольные вазы. А еще здесь имелись удобные ниши с низкими диванчиками, утопающими в парчовых подушках. Видимо, на тот случай, если кому-то из здешних обитателей захочется передохнуть по пути из одной части дворца в другую. Все-таки расстояния здесь немалые.

В общем, дворец был огромен (даже больше нашего замка в Туэнге, который за свою жизнь я успела изучить вдоль и поперек), и мне разрешалось бывать везде, кроме личных покоев самого раан-хара. Но туда меня и не тянуло. Напротив, желанием моим было держаться от указанных комнат как можно дальше.

Зато волновало другое.

– А где живут остальные жены? – спросила прямо, памятуя, что жены знатных вельмож обычно держатся вместе. Кажется, женщинам даже принято отводить отдельное крыло в доме. Здесь же ничего подобного я не увидела. Да и вовсе не заметила других обитателей, кроме слуг и стоящих у некоторых комнат стражей.

– Во дворце нет других жен, кроме вас, – расплывчато ответила Хальди и поспешила проводить меня в очередной богато убранный зал.

– А где они? – не отступила я. – У раан-хара же есть другие жены?

– Есть, но вы не должны думать о них. Вам не придется с ними сталкиваться.

Ответ служанки привел меня в легкое замешательство. Честно говоря, я была уверена, что именно с ними мне и придется общаться. Даже гадала, придусь ли я по душе старшей жене или, как это частенько бывает, она невзлюбит молодую соперницу. Все же в разных семьях отношения разные. Бывает, что супруги одного мужчины становятся лучшими подругами, а бывает, что грызутся днями напролет. Но неизменным всегда было одно – старшей жене надлежало вести хозяйство и выполнять возложенные мужем обязанности. Остальные же ей в этом помогали и должны были слушаться.

Но, видимо, здесь все иначе. Наверняка у раан-хара имеется целый взвод специально обученных работников, чтобы не обременять своих женщин

подобными заботами. Но видется-то друг с другом им точно не должны запрещать?

Я придержала этот вопрос при себе, решив, что расспрошу Хальди попозже. Сейчас я чувствовала себя в этом дворце гостьей и не совсем еще понимала, какие вопросы уместны, а какие нет. Да и в конце концов, возможно, все прояснится без моего участия.

Меж тем из дворца мы попали в сад. Тот самый, в котором вчера проходила моя свадьба. Вот только при свете дня выглядел он совсем иначе. Зеленели кроны деревьев, наливались краской вишневые цветы и магнолии, перепрыгивали с ветки на ветку мелкие пестрые птички. Отражение белоснежных лилий плыло по водной глади небольшого прудика. В глубине его блестели чешуей разноцветные карпы: желтые, оранжевые и красные. А некоторые и вовсе пятнистые, словно лепестки тигровой орхидеи. На перилах же резного арочного мостика устроились несколько огромных тропических бабочек.

Попробовала рассмотреть одну из них вблизи, но стоило мне подойти, как красавица взмахнула крыльями и улетела прочь. Я разочарованно вздохнула и направилась к деревянной скамье – вокруг водоема их имелось в изобилии. Присела на нагретую солнцем поверхность и полной грудью вдохнула аромат цветущих деревьев. Где-то вдали шумел водопад, наверняка, как и прудик, тоже рукотворный. А рядом тянула к воде гибкие ветви плакучая ива.

Я глядела по сторонам и не могла налюбоваться. Все здесь было непривычно, совсем не так, как в нашем лесном крае. И по-весеннему прохладный воздух, что заставлял кутаться в шерстяной палантин, никак не вязался со стоящим в небе ярким солнцем и цветущим садом. Я наблюдала, как скачут по водной глади водомерки и плещутся в серебристой воде карпы. Так и хотелось снять сандалии и опустить ноги в воду, тронуть гладкий бок какой-нибудь рыбины. И лишь только прохладный ветер удерживал от подобной шалости. Если промокну, мигом ведь простужусь.

А потом я заметила среди пышных зарослей человека в длинном коричневом одеянии. Голова его была идеально выбрита, и гладкая макушка блестела на солнце. Он стоял как раз возле куста с акацией и что-то нашептывал, обращаясь явно к растению.

– Это что, Природник? – полушепотом спросила у помощницы, боясь помешать мужчине. Судя по тому, как он был сосредоточен, занятие его было очень важным.

– Да. Он служит лично раан-хару и ухаживает за этим садом.

– А что это он сейчас делает? – полюбопытствовала я, одновременно наблюдая, как мужчина в коричневом водит руками по воздуху, выписывая замысловатые вензеля.

– Я не очень разбираюсь, – Хальди пожала плечами, – но, кажется, заговаривает растение на долгое цветение.

– Интересно... – Я чуть подвинулась на лавочке, чтобы было лучше видно Природника. Он как раз переместился к следующему цветущему кусту и начал шептать уже над ним. Вот бы послушать.

– Если рани желает, можно попросить Природника вырастить какое-нибудь особое растение, – предложила наперсница, а мне сразу подумалось о сладкой землянике, что в начале лета спеет на светлых лесных полянках Туэнга. Наверное, с таким даром можно было бы наслаждаться ягодами не один краткий месяц в году, а целых три или того больше.

Я даже подумала высказать служанке свое пожелание, но мысли вдруг свернули к воспоминаниям о доме и об оставленном отце. Как он там один? Наверняка переживает за меня, волнуется. Хоть бы весточку какую позволили отправить. Надо будет поинтересоваться у Ведающего. А пока... о землянике лучше забыть, слишком это сильное напоминание.

– Я подумаю. Если чего-то захочется, обязательно попрошу, – ответила помощнице и поднялась со скамьи, собираясь продолжить прогулку по саду. А пока, чтобы немного отвлечься от невеселых мыслей, решила полюбопытствовать:

– Скажи, а все Природники, ну... бреют головы?

– Зачем? У них волосы и так не растут, – хохотнула Хальди. – Сколько Природников видела – все лысые, как коленка. И лица гладкие. Насмешка судьбы, не иначе. Растения от их заговоров побеги во все стороны пускают, а у самих на теле ничего не растет.

Точно, что насмешка судьбы. Заговорили бы сами себя, что ли? Зимой-то, наверное, холодно так ходить. Впрочем, у каждого Дара есть хорошие стороны, и есть плохие. И если преимущества всегда очевидны и порой вызывают зависть у обычных людей, то недостатки зачастую скрыты от глаз окружающих и известны только самим одаренным.

Пока я рассуждала, мы успели довольно далеко удалиться от дворца да и от прудика с резным мостиком. Но брусчатая дорожка все бежала вперед, петляя меж пышных кустов и разномастных клумб.

В какой-то момент Хальди остановилась и аккуратно придержала меня за локоть.

– Нам пора возвращаться.

Я глянула вперед. На самом деле я планировала обойти все владения ор Гронта, ну или хотя бы большую их часть, и не видела причин для столь скорого возвращения. Да к тому же впереди, за посадками садовых деревьев, виднелись покатые крыши домов.

– А что там? – я указала взглядом в сторону построек. – Там кто-то живет?

– Там нет ничего интересного, – чересчур поспешно ответила наперсница. – Лишь жилье для прислуги и казармы стражей раан-хара. Рани нечего там делать.

– Ты тоже там живешь? – заинтересовалась я. Путь до дворца неблизкий, а насколько мне известно, наперснице надлежит всегда находиться рядом с госпожой.

– Нет, моя комната находится по соседству с вашими покоями, и вы всегда можете меня позвать, – будто прочитала мои мысли Хальди.

Я благодарно улыбнулась и покорно последовала за своей проводницей. А сама подумала, что виднеющиеся из-за деревьев дома ничуть не похожи на жилье прислуги. Да и сад там такой же пышный и ухоженный, как и в остальной части резиденции. Вряд ли Природник стал бы растрачивать свой редкий дар на благоустройство хозяйственных территорий.

Впрочем, я могу и ошибаться. У богатых свои причуды. Да и не видела я тех зданий вблизи.

Вечер наступил неожиданно. Не успел солнечный диск коснуться горизонта, как в мои покои вплыли пятеро служанок и чуть ли не под белы ручки повели в купальню. Весь вчерашний кошмар с мытьем вновь повторился.

– Хальди, мне теперь придется каждый вечер так отмываться? Даже если из покоев выходить не стану?

– Боюсь, что да. Вам ведь уже говорили, что раан-хар не любит посторонних запахов.

Ох уж эти запахи! Можно подумать, что у Лаара ор Гронта нос как у собаки. Хотя судя по тому, как он меня в прошлый раз обнюхивал, обоняние у него и правда специфическое.

– Но ведь он не каждый вечер станет приходить? Или каждый? – с опаской спросила я, подставляя голову под душистое полотенце. Купание как раз завершилось, и сейчас меня с неменьшим пристрастием вытирали.

– Думаю, что каждый. Мужчинам, в отличие от женщин, телесная близость нужна часто, – без тени стеснения ответила Хальди, но меня волновало совсем иное.

Все никак не шли из головы другие жены раан-хара. Сколько бы у него их ни было, внимание требуется каждой, и появление новой жены отнюдь не означает, что хозяин перестанет посещать предыдущих. Так что я разумно надеялась, что Лаара ор Гронта мне придется видеть хотя бы не каждую ночь.

– А как же остальные жены?

Хальди замаялась. Замолчала ненадолго, очевидно, обдумывая, что мне ответить. А потом коротко бросила:

– Вам не надо о них думать, рани.

– А о чем мне еще думать?! – неожиданно даже для самой себя вспылила я. – И что значит это «рани»?

– А вы разве не знаете? – Хальди в недоумении хлопнула рыжеватыми ресницами. – Рани – вежливое обращение к жене раан-хара. Вас теперь всегда так будут называть.

– Мне больше нравилось просто Катара, – пробурчала себе под нос и нахмурилась.

Кажется, вытянуть что-либо из наперсницы у меня не выйдет. По крайней мере сейчас. А значит, остается лишь ждать и надеяться на благосклонность судьбы.

К сожалению, этим вечером судьба благосклонностью не отличалась. Стоило нам только выйти из купальни, как дверь моей спальни распахнулась – и на пороге возник Лаар. Служанки тут же похватали свое добро и поспешили покинуть покои. Хальди последовала за ними.

Мы с мужем остались наедине.

На сей раз он был одет куда скромнее, чем в день нашей свадьбы. Не было ни богатой вышивки, ни россыпи бриллиантов, ни сверкающих острыми гранями рубинов. Мужчина был облачен в строгий темно-зеленый шервани, единственным украшением которого служил гербовый знак раан-хара – цветок, пронзенный мечом. Как ни странно, этот простой, скроенный по фигуре наряд шел ему куда больше помпезного брачного костюма. Наверное, потому, что лучше соответствовал характеру хозяина.

Раан-хар медленно двинулся ко мне, одновременно расстегивая шервани. Движения его были четкие, неспешные, как и в первую нашу встречу,

оставляющие чувство небывалой выверенности. Серые глаза смотрели пристально. За те несколько шагов, что нас разделяли, он, казалось, успел ощупать взглядом каждый клочок моего тела.

Я же застыла, боясь пошевелиться. Чувствуя себя крохотной полевой мышкой, замершей пред удавом. На короткое мгновение в холодных глазах мелькнуло предвкушение. Будто вспыхнул жаркий огонек и тут же погас, сменившись прежним ледяным равнодушием.

Странно, но холод в его взгляде пугал меня куда больше, чем огонь желания. Я буквально чувствовала исходящую от мужчины опасность, а еще очень не вовремя вспомнилась собственная вчерашняя беспомощность. И пришло понимание – что бы он сейчас ни вздумал со мной сотворить, я не смогу оказать ему сопротивления.

По спине побежали противные мурашки, и когда между нами оставался всего один шаг, я не выдержала – отступила. Плотнее запахла полы легкого шелкового халата, жалея, что на мне больше нет никакой одежды. Хотя вряд ли бы она меня спасла.

Раан-хар был выше меня на целую голову и раза в два шире в плечах. Он небрежно бросил на пол шервани, и под тонкой светлой туникой стали видны бугры перекачивающихся мышц.

От этого зрелища стало совсем не по себе. Я неосознанно попятилась. Лаар же усмехнулся. Он и не думал останавливать меня или тем паче ловить, хотя мог сделать это в два счета. Он лишь стоял и с легким прищуром следил за моими метаниями, в полной мере демонстрируя, кто здесь хозяин. Его превосходство читалось во всем: в вальяжной позе, в неторопливых движениях, с которыми он развязывал пояс на штанах, в спокойном холодном взгляде, от которого у меня начинали трястись колени.

Я не знала, чего от него ждать, тонула в повисшем между нами молчании.

И продолжала пятиться до тех пор, пока не наткнулась на боковину кровати. Не ожидая такого подвоха, плюхнулась на мягкую перину, нелепо взмахнув руками. А когда выпрямилась и подняла глаза, раан-хар уже стоял рядом.

Как он только умудрился подойти так быстро и бесшумно?

Подумать над этим мне не дали. Мужчина рывком поднял меня с кровати, развернул спиной к себе и швырнул обратно. Задрал халат, обнажая бедра. Я мысленно застонала. Опять...

– Я хочу, чтобы ты всегда ждала меня в таком положении, поняла? – Муж хозяйски положил ладонь мне на бедро. Он не рычал, не угрожал, не злился, но от твердого спокойного голоса тянуло такой ледяной уверенностью, что хотелось сжаться.

И как бы ни было противно, я уже сейчас знала, что в точности исполню его приказ.

– Поняла? – не дождавшись ответа, повторил Лаар, и ладонь его сильнее сжалась на нежной коже.

Я кивнула и промычала что-то утвердительное.

– Вот и славно. – Кажется, он вновь ухмыльнулся. А потом, не тратя времени на никчемные разговоры и прелюдии, попросту спустил штаны, быстро и резко вошел в меня.

Внутри было совсем сухо, и движения мужа отозвались очередной болью и жжением, от которого не было никакого спасения. Я посильнее стиснула зубы, стараясь не скулить.

И кто только выдумал, что больно лишь в первый раз? Сейчас было ничуть не лучше.

Тем не менее жалкой выглядеть не хотелось, и я терпела как могла. Ткнулась носом в жесткое покрывало. Как и все в этом дворце, оно было вышито серебром и золотом. И грубые нити неприятно царапали кожу на лице. Хорошо, хотя бы на груди запахнут халат, иначе на мне живого места не осталось бы. Впрочем, я и без того промучаюсь всю ночь.

Раан-хар закончил на удивление быстро. Я почувствовала, как сильно содрогнулось его тело, и он тут же отстранился.

– Иди обмойся. У тебя опять кровь, – бросил Лаар и отошел.

Я неловко сползла с кровати. Честно говоря, единственным моим желанием было лечь. Но пришлось подняться и, преодолевая ноющую боль внизу живота, пройти в купальню.

Вода в чаше еще не успела слиться после моего мытья, и я не раздумывая опустилась в нее. Сразу почувствовала облегчение.

Все же насколько велика живительная сила воды. Она оmyвает, успокаивает, заживляет раны. Дает энергию и жизнь всему существу. Была б моя воля, я бы и вовсе не вылезала из купели. Пусть даже вода успела остыть, но я нежилась в ней, отходя от грубых прикосновений мужа.

Жаль, нельзя побыть здесь подольше. Все же я пока не готова испытывать терпение раан-хара.

Наскоро обмывшись, вылезла из купели. Слава богам, крови почти не было. Лишь пара капель, но и от тех уже не осталось следа. Я насухо вытерлась и привела в порядок волосы. Поискала взглядом одежду, но, увы, кроме моего прежнего халата здесь ничего не нашлось. Пришлось вновь облачиться в шелковую ткань и с гулко колотящимся сердцем выглянуть наружу.

В комнате было на удивление темно. Лаар потушил почти все источники света, оставив лишь крошечный фонарик в дальнем конце комнаты. Но даже в столь неярком свете я смогла рассмотреть его фигуру, стоящую у окна.

Мужчина был полностью обнажен. И пусть я боялась его до дрожи, но все же не смогла сдержать любопытства и скользнула взглядом по тренированному мужскому телу. По широкой спине с черной змейкой-косичкой, извивающейся вдоль позвоночника. По узким бедрам с подтянутыми ягодицами и стройным ногам с накачанными икрами.

Все же было в этом мужчине нечто завораживающее. Пугающее и вместе с тем привлекательное.

Я на мгновение залюбовалась, и потому прозвучавший во тьме жесткий голос заставил вздрогнуть:

– И долго мне ждать? По-моему, я уже озвучил, в каком виде желаю тебя лицезреть.

Требование раан-хара мигом вернуло в реальность и напомнило о том, кем на самом деле является человек, стоящий у окна.

Я спешно прошла к постели и, лишь оказавшись подле нее, замялась. Вновь опускаться в раболепскую позу задом кверху не было ни малейшего желания. Но требование Лаара было вполне однозначно, и мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться.

Аккуратно легла на край кровати и замерла, прислушиваясь. В любой момент ожидая приближения раан-хара.

– Разве я так показывал?! – Мужской голос раздался совсем близко. Кажется, я опять не заметила, как Лаар подошел. Да и висящая в спальне темнота мешала нормально ориентироваться.

Я вскинула голову, не понимая, чего от меня хотят. Лаар стоял надо мной и молчаливо ждал. Делать подсказок он, разумеется, не собирался. Впрочем, вскоре я и сама догадалась.

Сгорая от смущения, приподняла подол халата, обнажая ягодицы. И вновь замерла, буквально кожей ощущая пристальный взгляд мужа. Не смея повернуться и посмотреть на него в ответ.

– Так уже лучше, – одобрил он, и я почувствовала, как большая горячая ладонь легла на бедро.

Я инстинктивно зажмурилась, ожидая, что он вновь овладеет мной. И сильно удивилась, когда мужская рука скользнула к моему животу. Раан-хар поймал за

кончик пояс халата и дернул его. Затем сорвал и сам халат. И хотя в комнате было тепло, по телу моему пробежали мурашки.

А еще я только сейчас обратила внимание, что жесткого, неприятного на ощупь покрывала больше нет. Видимо, пока я мылась, Лаар успел убрать и его. И сейчас обнаженной кожи касались лишь мягкие белоснежные простыни.

Не знаю, была ли в этом порыве забота обо мне или муж беспокоился лишь о собственном комфорте, но даже такая мелочь порадовала. И внутри вновь всколыхнулась надежда, что все небезнадежно.

И почти сразу умерла, когда Лаар рывком подвинул меня на кровати, устраивая почти на самых подушках, и залез следом. С нажимом провел по спине, от поясницы до самых лопаток. А потом повторил то же движение, но уже носом. С шумом втягивая воздух, почти касаясь моей кожи губами.

Это было даже приятно, и я бы с радостью полежала так еще, ощущая его невесомые прикосновения. Но на большее раан-хар не расщедрился. Видимо, запах каким-то образом обострял его желание, потому как следом он приподнял мои бедра и сразу вбил в меня на всю длину.

Все повторилось в точности, как и несколько минут назад. Жадные резкие толчки внутри моего тела. Прерывистое хриплое дыхание над ухом. Его наслаждение и моя боль.

Но даже этого ему оказалось мало...

Лаар продолжал терзать мое тело почти всю ночь напролет. Ушел лишь под утро, когда в небе уже ощутимо занималась заря. Я же сразу отключилась, измотанная и опустошенная. Чувствуя, что сегодня и вовсе не смогу подняться с постели.

Меня разбудили через несколько часов. Хальди еле растормошила меня и сообщила, что пришел лекарь.

Неужели же после прошедшей ночи я выгляжу так плохо, что наперсница решила, будто я больна?

– Все нормально. Не надо ничего, – попыталась отмахнуться от хлопчущей вокруг постели женщины.

– Нельзя, рани. Целителя сам раан-хар прислал!

От такой новости я подскочила словно ошпаренная.

Лаар. Прислал. Ко мне. Целителя.

Я ошалело потрясла головой, не зная, что и думать. Вряд ли это было проявлением заботы. Может, я что-то не то сделала? Со мной что-то не так? Или все дело в той крови?

И мне бы радоваться приходу целителя, ведь я и правда чувствовала себя отвратительно. Но, кажется, я лишь не на шутку разволновалась.

Отчего-то казалось, что лекарь непременно обнаружит во мне изъян, заразу какую или еще что похуже, и меня выгонят за негодностью. И с одной стороны, я бы и рада распрощаться с этим дворцом и никогда больше не видеть раан-хара. Но с другой... все же он был моим законным супругом, и я совершенно не представляла, что станет со мной, если вдруг окажусь ему не нужна.

Странно, но при всей незавидности моего положения неизвестность пугала еще больше. И в голову вновь полезли мысли об остальных женах. Куда-то же они делись...

В общем, за те несколько минут, пока приводила себя в порядок, я дошла почти до настоящей паники. А когда в моих покоях появился крупный рослый мужчина, пусть и почтенных лет, и попросил лечь на спину и развести ноги, чуть вовсе не умерла со стыда. Щеки горели огнем, и даже уши мои, наверное, стали пунцовыми. А от его откровенных вопросов хотелось провалиться сквозь землю.

Уходя, лекарь оставил баночку с мазью, терпко пахнущую травами. И еще одну – с маслом, не пахнущим вообще ничем. И если с лечебной мазью все было

понятно, то о предназначении масла я могла лишь догадываться.

Я как раз разглядывала баночки, перетирая меж пальцев содержимое одной из них, когда вернулась Хальди. Помощница присела на корточки у моей кровати и, глянув сочувственно, взяла меня за руку.

– Ничего, привыкнете. Все наладится, – приободрила она и ласково улыбнулась.

А я впервые посмотрела на свою помощницу другими глазами. Она была еще довольно молода. Лет на семь, может, на восемь старше меня. Хорошенькая. С густыми каштановыми волосами и огромными карими глазами. А меж бровей небольшая бороздка-рубец. Видимо, раньше там красовалась брачная метка. А раз ее удалили, оставив некрасивый шрам на лбу, то стало быть, Хальди вдова. А у вдов есть два пути – жить в свое удовольствие на деньги, оставленные мужем, или, если таковых не имеется, наниматься на работу.

Повторно выйти замуж у нас почти невозможно. Никто не захочет брать в жены пользованную женщину. Разве что в качестве наложницы. Но для порядочной девушки это куда унижительней, чем наняться в прислуги.

Вот и Хальди, судя по всему, предпочла работать. Мы, конечно, с ней не столь близки, чтобы вести откровенные разговоры, но хотя бы одно я теперь знаю точно – в постельных делах она имеет опыт, а значит, вполне понимает мои трудности.

– Надеюсь, – вздохнула тяжело, и не думая скрывать своего настроения.

– Давайте я приготовлю вам ароматную ванну с травами. Сразу полегчает, – тут же принялась хлопотать помощница.

Я подумала, что это хорошая идея, и, прихватив баночки, направилась в купальню.

– А это лучше поставить рядом с постелью, – посоветовала Хальди, указывая на непонятное масло.

– А? Да? А что это? Я не совсем поняла...

– Ну как же? – Девушка недоуменно вскинула рыжеватые брови. – Этим пользуются во время близости, чтобы было не так сухо. С маслом вам будет намного приятнее. Если, конечно, раан-хар позволит.

– А может не позволить? – пискнула я, чувствуя, как щеки вновь горят от смущения.

Хальди пожала плечами.

– Не знаю. Хозяин человек странный. Никогда не угадаешь, что придется ему по вкусу, а что разозлит.

Я поняливо кивнула и убрала баночку с маслом в ящик прикроватного столика. Оставлять такую вещь на видном месте как-то постеснялась.

Мы прошли в купальню, и Хальди принялась наполнять чашу водой. В отличие от нашего родового замка в Туэнге во дворце раан-хара имелся водопровод. Так что мыться можно было хоть по сто раз на дню. Что, собственно, со мной и проделывали служанки...

Пока чаша наполнялась, а помощница хлопотала с пузырьками и ароматными баночками, я решила продолжить расспросы:

– А долго ты служишь у Лаара ор Гронта?

– Уже четыре года.

– И ты прислуживала хозяину или...

– Что вы? – Хальди всплеснула руками, чуть не разлив содержимое одного из флаконов. – Женщинам не разрешается входить в покои раан-хара. Разве что женам, и то если позовет. А прислуживают хозяину исключительно мужчины.

– Значит... Ты прислуживала другим его женам? – догадалась я.

Наперсница лишь кивнула, явно не горя желанием развивать тему. Но я все же спросила:

– И куда они делись? В смысле, где они сейчас?

– Боюсь, я не могу вам ответить, – вновь ушла от разговора Хальди и, весело прихлопнув в ладоши, велела лезть в исходящую паром чашу.

Я с головой нырнула под воду, а потом откинулась на выложенный мелкой мозаикой бортик и под тихий плеск воды попыталась расслабиться. Только вот из головы все никак не шло – Хальди не ответила потому, что не знает ответа, или потому, что ей запрещено отвечать?

Лаар

Появление крови Лаару не понравилось. Это был дурной знак. Значит, либо девчонка больна, либо слишком хрупка и уязвима. Такой не место рядом с раан-харом.

Впрочем, это обстоятельство не помешало Лаару в полной мере насладиться их близостью. Его молодая жена по-прежнему дивно пахла, и он хотел брать ее снова и снова. Даже разозлился, когда в окна постучался рассвет.

Правда, к этому времени девчонка была совсем измотана. Лежала уже даже не смирно, а просто обессиленно, словно не живой человек, а выброшенная на берег стухшая рыбина. Полусгнивший труп дикого айтара и тот выглядит бодрее.

Даже целителя пришлось ей вызвать.

Раан-хар хлебнул вина, пытаясь залить всколыхнувшееся внутри раздражение. Странно, но от мысли, что кто-то еще коснется его жены, у Лаара внутри закипала жидкая лава. И пусть бы он даже не помнил имени этой девчонки, но собственнические инстинкты его работали исправно. А желание оторвать руки-ноги посланному лекарю с каждой минутой все больше возрастало. Даже тот факт, что пожилой целитель – скопец, не сильно менял ситуацию.

Лаар почти уже опустошил бутылку, когда в дверь кабинета тактично постучали и на пороге возник тот самый лекарь. И вовремя, раан-хар уже начал подумывать о том, чтобы сходить проверить, чем они там занимаются.

– Что так долго? – рявкнул он, не успев еще целитель переступить порога.

Другой бы наверняка затрясся от грозного голоса здешнего хозяина, но гость вопрос проигнорировал. Даже бровью не повел, будто и не слышал вовсе. Не спеша прошел вглубь кабинета и встал напротив письменного стола.

Подобное поведение не то чтобы раздражало раан-хара, оно выводило его из себя. Лаар через силу усмирив свой гнев – с лекарем он потом разберется, сейчас важнее другое.

– Что с девчонкой?

– Ничего непоправимого. Всего лишь усталость и небольшие травмы. Думаю, не стоит объяснять, в каких именно местах? Я оставил ей лечебную мазь, а вам бы посоветовал впредь быть с девушкой аккуратнее. – В голосе гостя прозвучали явные нравоучительные нотки.

– Я сам знаю, как мне обращаться с собственной женой! – огрызнулся Лаар.

Поучать себя он позволял лишь отцу, и то пока был слишком мал, чтобы принимать самостоятельные решения. Императору и тому Лаар не позволял подобного тона. А тут... какой-то паршивый скопец вздумал читать ему мораль?

– Не сомневаюсь, но все же хочу напомнить, что юное девичье тело зачастую бывает не готово к бурным проявлениям страсти. Ему требуется бережное отношение. Если, конечно, вы желаете получить от этой девушки здоровых наследников.

Лаар коротко рыкнул.

Конечно, он желал! Зачем бы ему еще заводить жену, как не для рождения наследника? В противном случае он бы мог сделать ее обычной наложницей. С ними обычно куда меньше хлопот.

– Я учту... – через силу выдавил раан-хар, наконец усмиряя собственные взбесившиеся нервы.

На сей раз целителю повезло. Ор Гронта попросту отослал его, чтобы не мозолил глаза. Стоило, конечно, проучить наглеца, но хозяин вовремя вспомнил, что хорошие целители нынче на вес золота. Так что руки тому еще пригодятся.

Гораздо больше Лаара сейчас волновала собственная несдержанность. Дерзость какого-то служки – еще не повод выходить из себя! И не повод хлестать вино из бутылки, тем более что алкоголь на раан-хара почти не действует. Да и пить он начал задолго до того, как пришел целитель.

Неужто собрался списать девчонку со счетов? Всего-то два дня прошло. Какой бы хрупкой она ни была, уж на пару месяцев-то должно хватить? А потом все повторится... Наверняка повторится, в этом Лаар даже не сомневался.

Глава 4

Потянулась череда дней.

С утра и до самого заката я была предоставлена самой себе. Могла гулять в саду, заниматься вышивкой, читать в библиотеке, в которой, кажется, можно было отыскать любую из существующих книг, примерять наряды и украшения или заказывать новые. Мне были открыты все двери. Точнее, почти все. Одина-единственная, та, что вела за пределы резиденции раан-хара, была для меня под запретом. Мне не дозволялось покидать владений мужа ни одной, ни в сопровождении слуг. Разве что сам Лаар ор Гронта соизволит вывезти меня на прогулку. Но просить его о том я не смела, хоть и горела желанием увидеть столицу империи Семи Рек.

А вот Лаара видеть совсем не хотелось. Днем мы и не встречались. То ли муж отсутствовал, уезжая по делам, то ли наши дороги попросту не пересекались, но в светлое время суток я его не видела. За все время натолкнулась на раан-хара лишь раз. Мы как раз шли с Хальди по одному из широких дворцовых коридоров, когда впереди показался Лаар с помощником. Они что-то оживленно обсуждали.

Я же испуганно замерла, не зная, как вести себя и что следует сказать. Стоит ли поприветствовать или мне запрещено первой к нему обращаться? Ждать, пока сам заговорит? В постели муж лишь приказывал, и то изредка, предпочитая словам действие. Сейчас же я попросту растерялась.

Наперсница замерла рядом и, когда хозяин с помощником поравнялись с нами, молчаливо согнулась в глубоком поклоне. Я же уже открыла рот, чтобы выказать свое почтение, но осеклась. Лаар прошел мимо, даже не повернувшись. Не удостоил меня не то что словом, даже взглядом. Слово меня не существовало вовсе...

И мне бы вздохнуть облегченно, порадоваться, что не пришлось выдавливать из себя вежливость, но внутри скреблись кошки. Осознание того, что меня ни во что не ставят и не считают достойной даже простого приветствия, болезненно отозвалось в душе.

Пусть моя семья и обеднела, но мы были знатного рода. И воспитывалась я в строгих правилах, в соответствии со всеми традициями и этикетом. И уж точно никак не рассчитывала на подобное пренебрежение.

Кто я ему, в конце концов? Жена или приложение к постели?

Стало противно. И от себя, и от всего своего бесправного положения. Пусть я и была облачена в шелка и золото, но на самом деле стоила не больше любой из ваз, украшавших здешние интерьеры. И то, что раан-хар ни разу не заговорил со мной за все время, лишь усиливало это ощущение. Я была для него лишь постельной игрушкой. Смиренной и безмолвной.

И если днем мы с Лааром не встречались, то по вечерам я каждый раз с замиранием сердца ждала его прихода. И втайне надеялась, что хотя бы сегодня он не явится.

Но раан-хар, к моему несчастью, отличался завидным постоянством. Муж неизменно приходил ко мне каждую ночь. Терзал мое тело. И уходил, лишь вдоволь наигравшись и удовлетворив свое темное желание.

И чем дольше это продолжалось, тем сильнее мне начинало казаться, что других жен и вовсе не существует. А если они существуют, то отосланы куда-то очень

далеко отсюда. Оттого и ходит он ко мне каждую ночь.

А еще я, кажется, начинала привыкать. И тело мое, прежде болезненно реагирующее на близость с мужем, ныло уже куда меньше. Словно все чувства притупились. И боль, и обида, и отвращение.

Неужели и я вскоре смирюсь со своей ролью?

Думать о том не хотелось. А привыкать тем более. Благо через две недели пришли регулярные женские дни. И я порадовалась возможности передохнуть. Правда, вместе с радостью вновь пришли неуверенность и легкая паника. Ибо даже в самом страшном сне я не могла представить, как сообщу сию нерадостную новость супругу.

– Не беспокойтесь, – поспешила успокоить меня Хальди, когда я поделилась с ней переживаниями.

Помощница как раз готовила для меня теплую грелку, чтобы унять неприятную тяжесть внизу живота. Странно, но прежде не приносящие беспокойства женские дни сейчас доставляли неудобства. Хотелось просто лежать в постели и никуда не выходить. Да, супружеская жизнь явно не пошла на пользу здоровью...

– Скорее всего, и говорить ничего не придется, – продолжила наперсница. – Он сам все поймет.

И действительно, объясняться с раан-харом мне не пришлось. Он лишь переступил порог спальни, сделал несколько шагов и замер настороженно. Прищурился и с шумом втянул носом воздух.

– У тебя женские дни, – то ли спросил, то ли констатировал очевидное.

Я судорожно кивнула и, кажется, по своему обыкновению покраснела.

Раан-хар раздосадованно поджал губы, развернулся на месте и вышел. Вот и все разговоры...

Вернулся через три дня. Вновь принялся, словно охотничья псина.

– Когда они уже кончатся? – бросил недовольно. Все же муж не отличался терпением. Особенно когда речь заходила о супружеском долге. А исполнять его, кроме меня, похоже, было некому.

Странно, если уж ему так не терпится, мог бы найти себе кого-нибудь. В конце концов, прислуги полный двор. А если не устраивает прислуга, бывают и другие доступные женщины.

Мне, как воспитанной девушке, о таком, конечно, знать было не положено. Но я всегда много читала, а в книгах кроется кладезь полезной информации. Да и у няни порой проскакивали словечки, вроде «блудницы» или «распутной девки». Так что я вполне представляла, кто это такие, а теперь еще и на собственном опыте знала, какие услуги они оказывают.

Но муж мой, по всей видимости, подобными услугами не пользовался. Иначе с чего бы ему быть таким нервным?

– Думаю, через пару дней прекратятся, – ответила аккуратно, страшась вызвать гнев супруга.

– Проклятье! Почему так долго? – Все-таки он разозлился. И мне даже на секунду показалось, что Лаар не сдержится и возьмет меня прямо сейчас, невзирая на женские дни и все связанные с этим обстоятельством неудобства.

– Не знаю. У меня всегда так... – пропищала еще тише, чем прежде, и ухватила за столбик кровати. Прижалась к нему, в интуитивном поиске защиты.

И когда уже привыкну, что в этом дворце защитников у меня нет?

Слава Ошуру, на сей раз пронесло! Раан-хар хоть и был крайне раздражен, но покои мои покинул. А я с ужасом представила, что же будет, когда мое женское недомогание прекратится. Отыграется ведь за все дни...

Так и случилось.

Тем вечером он был особенно нетерпелив. Пришел раньше обычного. Я не то что не приняла положенную позу, но даже ежедневный ритуал омовения не успела провести. И первым делом испугалась, что Лаар будет недоволен моим запахом. Но его это, кажется, ничуть не волновало. Он попросту ворвался в мои покои и, не обращая внимания на прыснувших во все стороны служанок, ухватил меня поперек туловища и потащил в кровать. Швырнул на мягкую перину и принялся стаскивать с меня штаны. Днем я предпочитала ходить в удобных шароварах и длинной тунике. Такая одежда была для меня куда привычнее тяжелого сареи. А вот мужу она не понравилась.

– Чтобы не смела больше это надевать, поняла? – рявкнул раан-хар, отшвыривая шаровары в сторону. Потом уже привычно крутанул меня, укладывая на живот, и навалился сверху. Даже раздеваться не стал, лишь немного приспустил штаны.

Вошел в меня с низким рыком. Я же не сдержалась и болезненно застонала. Кажется, за последние дни успела отвыкнуть от подобной грубости.

– Демонова глотка, что ж ты такая сухая? Где это гребаное масло?

Отвечать не стала. И так ведь прекрасно знает где. К моему счастью, Лаар оказался достаточно благоразумен, чтобы не пренебрегать советами лекаря, так что заветной баночкой мы пользовались регулярно.

Сзади донеслась сдавленная ругань. Кажется, Лаар испачкал маслом постель и свои собственные вещи. Слишком распалился, чтобы быть аккуратным.

Я бы даже, наверное, порадовалась его неудаче, если бы не стояла на карачках, кверху задом, ожидая пока муж вернется и продолжит.

Жалкая и до отвращения противная самой себе.

А вот раан-хара все более чем устраивало. Я провела в таком положении почти всю ночь. Ждала, что он вот-вот насытится, что ему наконец-то надоест. Но он все не уходил, и в конце концов я не выдержала. Когда Лаар после очередного бурного пика вышел в купальню освежиться, попросту отключилась. Уж не знаю, что он вытворял с моим бранным телом, пока я спала, но когда проснулась, рядом не было ни супруга, ни масла, ни следов нашей близости. Зато имелись ноющее тело и саднящая боль между ног.

Опять...

Рядом сразу появилась Хальди. Карие глаза глядели сочувственно. А мне вдруг захотелось отвернуться, отгородиться от этого взгляда. Все же проще делать вид, что все нормально, чем ловить на себе подобные взоры. И в очередной раз выслушивать, что все наладится.

Ничего не наладится. Глупо думать, что отношение мужа вдруг переменится...

Оставаться в покоях я не захотела. После прошедшей ночи сил не было глядеть на широкую кровать под пурпурным балдахином. Помощница помогла мне привести себя в порядок, и мы отправились в сад. Не успели выйти во внутренний двор, как услышала странный шум, доносившийся с той стороны здания. Кажется, там как раз располагалась обширная площадка, выложенная крупными каменными плитами. Когда первый раз увидела то место – не поняла толком его назначения, зато сейчас, выглянув из-за угла здания, узрела довольно примечательную картину.

На площадке перед дворцом выстроилось порядка трех десятков воинов в черных доспехах с отличительным знаком раан-хара на груди.

Личная гвардия Лаара ор Гронта.

Все статные, крепкие, серьезные и собранные. Точно, что не на прогулку собрались. И означать это могло лишь одно – где-то вновь проснулся Цветок Смерти...

Я почувствовала, как горло сдавило спазмом. Где бы ни проросли ядовитые побеги, Цветок всегда нес с собой горе, боль и запустение. Я знала, что это такое, ведь подобная участь постигла мой собственный край. Никому бы не пожелала подобной участи!

– Рани, нам нельзя здесь быть... – Хальди настойчиво потянула меня за руку. – Если хозяин вас увидит, он будет недоволен.

– Почему?

– Здесь много чужих мужчин. Они не должны вас видеть. Раан-хару это не понравится...

Об этом я как-то не подумала...

И с одной стороны, стоило послушаться Хальди и не высовываться, от греха подальше, а с другой – очень хотелось понаблюдать за приготовлениями.

Вскинула голову и глянула на дворцовую стену.

– Туда ведь выходят окна? Может, понаблюдаем сверху? – и, не дожидаясь ответа, поспешила обратно во дворец. Хальди посеменила следом.

Комнат для подглядывания отыскалась предостаточно. В частности, окна уютного читального зала, что соседствовал с библиотекой, выходили как раз на площадку и расположившиеся прямо за ней конюшни. Мы с помощницей подвинули к подоконнику небольшую банкетку и, забравшись на нее с ногами, стали следить за приготовлениями. Кажется, воины раан-хара как раз проводили перекличку.

Впереди всех шествовал смуглый черноволосый кшатрий. На висках его уже проступила седина, но воин был по-прежнему крепок и походил на закаленного в боях матерого волка. Он обошел всех подчиненных, проверяя готовность каждого. Отдал несколько коротких приказов.

А потом и сам, подобно своим людям, выпрямился в струнку, заложив руки за спину, и уставился куда-то вверх. Я переместилась на кушетке, ближе прильнув к окну, стараясь разглядеть, что там происходит.

Вскоре в поле моего зрения появилось новое действующее лицо.

Лаар.

Я узнала его по выбритым вискам и тонкой косичке, спадающей на шею. Так же, как и остальные воины, раан-хар был облачен в черный доспех. Никаких особых знаков отличия на нем не было: ни гербовой ленты, ни вычурного алого плаща, ничего того, что бы выдавало высокий статус. Но достаточно было одного

взгляда, чтобы понять, кто здесь главный. И если кшатрия я сравнила с матерым волком, то сам Лаар походил на атшальского черного тигра. Самого свирепого и беспощадного хищника во всей империи. За обманчиво-мягкими шагами и плавными движениями его скрывались необузданная мощь и разлитый в крови охотничий инстинкт.

И то, как Лаар каждый раз принюхивался, приходя ко мне, лишь усиливало ассоциацию с диким зверем.

Раан-хар окинул взглядом выстроившихся воинов. Удовлетворившись увиденным, быстрым шагом пересек площадь и остановился рядом с командующим. О чем-то коротко переговорил с тем. Затем подал знак рукой – и все воины как один бросились к конюшням.

Самому Лаару почти сразу подвели коня. Такого же мощного и поджарого, как и он сам. Черная шерсть его, словно воронье крыло, отливала синевой. А темная грива переливалась багряными сполохами. И, да не обманет меня зрение, кажется, глаза у коней и вовсе были красные, словно тлеющие угли в потухшем кострище.

– Хальди, что это за лошади? – спросила отчего-то шепотом, словно боялась быть услышанной толпящимися внизу воинами.

– Это красногривые рысаки. Самые быстрые и выносливые скакуны, каких только можно представить. Поговаривают, что они рождаются в жерле уснувшего вулкана на Роковой горе, не боятся ни огня, ни дыма. А еще питаются мясом и теплой кровью, оттого и глаза у них красные.

– Что, правда? – выдохнула изумленно.

– Не знаю, в конюшни меня не допускают. Там служат лишь специально обученные смотрители. Уж не знаю, что из того вымысел, а что нет. Да только точно известно, что породу эту вывели лично по распоряжению раан-хара.

А вот это удивления как раз и не вызвало. Империя Семи Рек огромна, а раан-хар у нас всего один. И где бы ни пророс Цветок Смерти, Лаару необходимо прибыть на место как можно скорее. Любое промедление может стоить жизни людям, что оказались поблизости.

Раан-хар лихо оседлал коня, похлопал того по крепкой шее, что-то шепнув в мохнатое ухо. Животное радостно заржало в ответ и чуть привстало на дыбы. Лаар тут же натянул поводья, умиряя коня. А потом вдруг на мгновение настороженно замер и резко развернулся, вскинул голову, ощупывая взглядом дворцовые окна. Я испуганно отпрянула от стекла.

Всеблагой Ошур, неужели заметил? Казалось, он посмотрел прямо на меня... Или это попросту разыгралось воображение?

Решив понапрасну не рисковать, опустилась на кушетку. Хальди последовала моему примеру. Мы переждали пару минут, и, лишь немного успокоившись, я решила вновь выглянуть в окно. К этому моменту всадники уже образовали стройную шеренгу и под предводительством Лаара ор Гронта темной рекой хлынули в распахнутые ворота. Облаченные в черные доспехи, верхом на красногривых рысаках, они ассоциировались ни с чем иным, как с лавовым потоком, что испепеляет все на своем пути.

И правда, после визита воинов раан-хара на месте зеленых полей и пышных лесов оставалось черное пепелище. Материнскую цветоножку выжигал дар раан-хара, остальные же побеги испокон веков уничтожали огнем. Так было и в моем родном Туэнге. И до сих пор в лесной глуши можно встретить места, усыпанные пеплом. Тем самым пеплом, в который превратился Цветок Смерти. Даже он ядовит и не позволяет расти ничему живому. И по сей день каждое лето мой отец собирает отряд добровольцев для прочесывания лесов и очистки земель от остатков этой дряни.

Во мне вновь вспыхнула череда воспоминаний, пронеслась перед глазами, отозвавшись глухой болью в сердце. Но я тут же задвинула их подальше. С каждым разом делать это становилось все проще. Будто жизнь моя разделилась на два отрезка – до замужества и после. И то, что было «до», постепенно покрывалось паутиной времени, блекло и начинало казаться чем-то нереальным. Будто и не со мной вовсе было...

Тем вечером раан-хар в мои покои не явился. Насколько я поняла, он и во дворец не вернулся. Я мимолетно порадовалась, что муж в отъезде и что сегодня меня ждет спокойная ночь. В одиночестве. И можно предаваться безделью или лечь пораньше в надежде увидеть цветные сны, в которых не будет боли, не будет

отчаяния и беспомощности.

А потом я вспомнила о том, куда отправился Лаар, и сердце жалобно заныло. Ведь если раан-хар не вернулся, значит, где-то там он и его воины борются с Цветком Смерти. Значит, где-то сейчас неспокойно. Страдают люди, напивается отравой земля, чахнут деревья, гибнут рыба и зверье. Как бы ни было тяжело это осознавать, то, что радость для меня, для всех остальных – беда. Уж лучше бы муж сейчас был здесь, а в остальных уголках империи царило спокойствие.

В конце концов, что такое страдание одного человека по сравнению со страданием целого народа?

Выспаться мне так и не удалось. Сны были невнятные, муторные. И во всех неизменно присутствовал Цветок Смерти. Его побеги устилали землю, ползли, шевелились, словно огромные ядовитые змеи. Я просыпалась в холодном поту, с бешено стучащим сердцем и зачем-то выглядывала в окно. Толку в том не было никакого, ведь выходили мои окна в сад, и узнать, вернулся ли муж, я бы все равно не смогла.

Наступлению утра и нового дня несказанно обрадовалась. Солнечный свет разогнал ночные кошмары, и настроение мое приподнялось.

Хальди же, напротив, выглядела неважно. Еще вчера бодрая и румяная, сегодня она была бледной и нерасторопной. Как оказалось, на сей раз женское недомогание настигло ее. Я предложила наперснице денек передохнуть, уверив, что прогуляться по саду вполне могу и сама, но она категорически отказалась оставлять меня одну.

Я попыталась было настоять, но ничего из этого не вышло. Господин в этом дворце один, меня же, хоть и называют «рани», по факту ни во что не ставят...

В итоге отправились мы вместе. Я взяла с собой книгу и, дабы не утруждать помощницу пешими прогулками, сразу устроилась на скамейке возле прудика. Солнце стояло в зените, яркое и по-летнему теплое. На желтоватых страницах плясали солнечные зайчики. И как я ни старалась, так и не смогла точно понять, откуда они появляются. Разве что отражаются от слюдяных фонариков, которыми увешаны деревья.

Разноцветные карпы плавали совсем близко к берегу, и я не удержалась. Отложила в сторону книгу, скинула сандалии и босиком прошла к кромке воды, опустила ступни. Рыбки тут же прыснули в сторону.

– Рани, вы же простудитесь! – воскликнула наперсница и, вскочив со скамьи, бросилась ко мне. – Вода совсем холодная. А у вас здоровье слабое...

– С чего ты взяла, что у меня слабое здоровье? – удивилась я. Вроде я на здоровье никогда не жаловалась да и выросла на севере, к холоду привыкшая. Вода в быстром Ошуре даже летом, в самую жару, не теплее, чем сейчас в этом прудике. Я еще в детстве тайком от отца умудрялась купаться, а как выросла, так и вовсе перестала таиться.

– Ну так... – Хальди растерялась. Пожала плечами. – Не знаю, но все равно лучше вам не мочить ноги в такую погоду. Не приведи Хонту застудите себе что-нибудь, меня ж тогда... – Помощница резко замолчала, но я и так поняла ее опасения.

Конечно, вряд ли раан-хар погладит служанку по головке, если вдруг я слягу с болезнью и не смогу исполнять супружеские обязанности. Да и мне самой наверняка придется несладко. Так что я благоразумно решила не рисковать. Хоть и было жаль. Рыбешки только-только начали привыкать к моим ногам и стали подплывать ближе. Еще чуть-чуть – и потрогала бы.

Ладно, успею еще. Уже середина весны, а впереди жаркое лето. Если повезет, я, может, в этом прудике и целиком искупаюсь или хоть постою под маленьким искусственным водопадом, что шумит неподалеку.

Хотя... не уверена, что раан-хар позволит мне такую вольность. Кажется, о детских шалостях мне стоит забыть навсегда.

Вынула ступни из воды и, стряхнув капли, вознамерилась обуть сандалии. Но кто бы мне дал! Хальди тут же присела на корточки у моих ног и стала вытирать их прямо подолом своего хитона.

– Не надо. Зачем? Сами высохнут, – воспротивилась я, но, как и ожидалось, меня никто не послушал.

Да еще помощница, когда вставала, чуть поморщилась и приложила ладонь к животу.

– Тебе бы полежать.

– Все нормально. Сейчас пройдет, – отмахнулась она и побрела обратно к скамейке.

Я все-таки обулась и, подхватив оставленную книгу, предложила:

– Пойдем лучше в читальную комнату. Что-то солнце больно яркое. Слепит, и не считаешь нормально.

На самом деле солнце мне ничуть не мешало. Да и вокруг прудика было полно тенистых мест, но мучить Хальди не хотелось. А в читальном зале полно удобных кресел и низких кушеток – хоть приляжет.

Мы уже собрались отправиться обратно ко дворцу, как вдруг:

– Катара! – окликнули меня, и я вздрогнула от неожиданности.

Последние дни я общалась лишь с наперсницей и не ожидала, что кто-то еще может ко мне обратиться. А еще очень непривычно было слышать собственное имя: Хальди и другие служанки обращалась ко мне исключительно «рани». Лаар же и вовсе никак не называл.

Я даже не была уверена, что он знает мое имя. Оно словно осталось в прошлом. Там, в покинутом навсегда Туэнге. И сейчас звучало словно отголосок прежней жизни.

Обернулась и увидела идущего по дорожке тар Сириша. Он был привычно облачен в просторную хламиду из дорогой ткани и увешан звенящими браслетами.

Я была рада появлению Ведающего. Я не видела его с самой свадьбы и, кажется, успела соскучиться. Мне не хватало его веселых рассказов, историй, полных

приключений и казусов. Да и просто я была рада возможности хоть какого-то общения.

– Здравствуй, Катара, – поприветствовал Ведающий и протянул мне обе руки. Я, не задумываясь, вложила в них ладони.

– Небесной благодати, тар Сириш. Не думала, что увижу вас вновь.

– Ну что ты. Мы теперь будем часто видеться. Я уезжал по делам, но теперь вернулся.

Слава Ошуру, хоть одна хорошая новость за все дни!

– Прогуляемся? – предложил Ведающий, а я покосилась на Хальди. Тащить помощницу за собой не хотелось.

– Конечно, – ответила старцу и обратилась к наперснице: – Хальди, отправляйся в покои. Приготовь мне пока купальню. Хочу сегодня сделать целебную маску из белой глины. Мы с тар Сиришем немного пройдемся, и я сразу вернусь.

Помощница замялась. Видно было, что она не горит желанием покидать меня. Но, видимо, присутствие Ведающего сыграло свою роль, и Хальди все-таки отправилась выполнять мое распоряжение.

Мы же с тар Сиришем неспешно двинулись по мощеной тропинке, петляющей меж цветущих вишен и магнолий. Что примечательно, ни на тех, ни на других деревьях почти не было листьев, зато цветы усыпали голые ветки, словно ягоды облепихи в осеннюю пору.

Эта часть сада была сплошь раскрашена светло-розовыми оттенками, полностью вытеснившими зелень. Даже земля и та была устлана лепестками, не дающими пробиться весенней траве.

– Как тебе понравился дворец? – начал тар Сириш, и я порадовалось столь простому вопросу.

– Он просто удивительный! – ответила искренне. И с нескрываемым восторгом принялась расписывать здешние красоты. Конечно, Ведающий и сам прекрасно обо всем знал. Но возможность выговориться, поделиться впечатлениями хоть с кем-нибудь небезразличным заставляла меня говорить и говорить. Захлебываясь в эмоциях, путаясь в словах и деталях, тут же извиняясь за собственные оплошности.

Прервалась я лишь тогда, когда от неугомонной болтовни сбилось дыхание.

Ведающий смотрел на меня с улыбкой, по-отечески тепло и участливо. И я в который раз порадовалась, что он вернулся. Возможно, теперь моя жизнь не будет такой горькой, как прежде. Тар Сириш был словно лучик солнца, несущий свет и тепло. И в этом тепле хотелось греться как можно дольше.

– Я рад, что тебе понравилось в резиденции раан-хара. А что сам хозяин? Не обижает тебя?

Я замялась и... отвела глаза.

– Нет. Все хорошо.

Жаловаться Ведающему на мужа было неловко. Да и, как приговаривала няня, выносить сор из избы – последнее дело. Ни одна благородная дама себе такого не позволит. Вот и я промолчала, хотя жуть как хотелось поплакаться. И непременно просить тар Сириша, чтобы увез меня отсюда.

Куда угодно, лишь бы не оставаться в этом аду.

Кажется, мой ответ собеседника не удовлетворил. Конечно, он же Ведающий, а Ведающие видят много дальше, чем обычные люди. И наверняка прекрасно чувствуют ложь.

Тар Сириш укоризненно покачал головой, а потом потянулся ко мне и коснулся пальцами браслета на предплечье. Странно, но я совершенно забыла о подарке старца. Не снимала его ни разу за все время и даже купалась, кажется, с ним. Словно браслет и вовсе сросся с кожей, став частью меня.

А еще, помнится, изначально он был бело-серебристый. Сейчас же украшение потемнело и налилось изнутри пугающим багрянцем.

Несколько мгновений Ведающий гладил металлический обод и чем дальше, тем сильнее хмурился. Потом наконец отстранился.

– Не беспокойся, все наладится. Я поговорю с твоим мужем, как только он вернется.

– Что вы, не стоит! – тут же запаниковала я.

Во-первых, стало жутко неловко, что кто-то посторонний станет разговаривать с раан-харом обо мне. А во-вторых, я могла лишь догадываться, насколько много о наших отношениях теперь знает Ведающий. Все же их Дар имеет множество граней, начиная от чтения ауры и эмоций собеседника до предсказания будущего. Да еще этот непонятный браслет – уверена, старец не просто так мне его подарил.

– Доверься мне, дитя мое.

Ведающий ободряюще улыбнулся и сжал мою ладонь. И сразу стало так спокойно, так легко. Я и вправду перестала волноваться. В конце концов, тар Сириш взрослый, мудрый человек, не мне говорить ему, что и как делать. Да и от моего мнения все равно ничего не зависит.

В итоге я окончательно успокоилась, и мы вернулись к непринужденной беседе. Еще немного погуляли по саду, обнаружив пару новых, прежде неизведанных мной уголков. Поболтали о том о сем – Ведающий с легкостью находил интересные темы для разговора. И через какое-то время я совершенно позабыла о намерении старца поговорить с раан-харом.

Мы вернулись обратно к прудику, и тар Сириш поспешил откланяться, сославшись на неотложные дела.

– Тебя проводить в покои? – поинтересовался он перед уходом.

– Что вы, не стоит. Я сама без труда найду дорогу. Тем более я хотела еще немного посидеть, – кивнула на резную скамейку.

Ведающий с поклоном удалился, я же и правда устроилась на скамейке. Вытянула ноги и подставила лицо солнцу. У нас в Туэнге такого яркого солнца не бывает даже летом. Оттого кожа у меня совсем светлая. А здешние обитатели все сплошь загорелые, смуглые. Уж очень сильно я от них отличаюсь.

Я немного так посидела, размышляя на разные темы. А потом в голову пришла неожиданная идея. Я ведь сейчас совсем одна, рядом нет ни многочисленных служанок, ни наперсницы. И тар Сириш уже исчез из поля зрения...

Так почему бы не воспользоваться случаем и не сходить туда, куда в обычное время прохода мне нет. Глянуть хоть одним глазком. Все-таки никак мне не давали покоя дальний конец сада и постройки, что виднелись за деревьями.

А тут выдался такой удачный момент, чтобы проверить свои сомнения!

Я воровато огляделась, проверяя, нет ли поблизости Природников или кого-нибудь из прислуги. И, убедившись в отсутствии оных, неторопливо встала и как ни в чем не бывало пошла по мощеной дорожке. Если кого встречу – сделаю вид, что просто гуляю. А что забрела далеко – так это совершенно случайно вышло. С такой вот мыслью я уверенно шла в нужном направлении, лишь изредка прислушиваясь и вертя головой по сторонам. Слава Ошуру, на пути никого не встретилось. Словно сама судьба благоволила моей затее.

И вот уже вдалеке показались двускатные крыши, замелькали меж деревьев светлые стены домов. Я пошла медленнее – все же было немного страшно. Не зря ведь мне запрещено сюда соваться, значит, есть там что-то, не предназначенное для моих глаз. Или я попросту себя накручиваю и здесь действительно живет прислуга? Да что-то дома у них больно богатые. И где-то рядом журчит вода. Значит, поблизости родник или еще один водопадик.

– Эй! Псс... – раздалось откуда-то сбоку, и я испуганно замерла.

– Сюда! – донесся громкий шепот, и, обернувшись на звук, я увидела мелькнувшее меж ветвей яркое сарей.

Тяжело сглотнула и, набравшись смелости, шагнула с дорожки. Обошла вставший на пути развесистый куст акации, высматривая того, кто звал меня. И чуть не взвизгнула от неожиданности, когда этот кто-то схватил меня за локоть и потянул в заросли.

– Тише! Не бойся! Тебя никто не видел? – затараторила девушка, когда мы оказались в укромном уголке, скрытые от посторонних глаз густым кустарником.

Ростом она была чуть пониже меня, темноволосая, молоденькая. Наверное, моя ровесница или около того. И на лбу у нее, так же как и у меня, красовалась брачная метка – красный рубин в оправе золотых кружев. Что бы мне ни говорили, а девушка эта была отнюдь не служанка.

– Вроде нет. Я одна пришла. А ты... – Я собиралась было спросить девушку, кто она и как здесь оказалась, но не успела.

– Ты должна бежать отсюда! – перебила незнакомка. Выглядела она взволнованно и то и дело с опаской косилась по сторонам. – Раан-хар он... он погубит тебя. Тебе нельзя оставаться.

– Но как? Почему?

– Слишком долго объяснять. Просто поверь мне и беги из дворца как можно скорее. Пока еще не поздно!

Девушка вновь опасливо выглянула из нашего укрытия.

– Я должна идти, меня могут хватиться.

И почти в тот же миг издалека раздался призывный женский голос:

– Мелира!..

И незнакомка рванула прочь. Но у меня было еще столько вопросов!

– погоди! – машинально ухватила за край ее сареи, и тяжелая ткань соскользнула вниз, обнажая плечо и несколько воспаленных красных пятен на

ключице.

– Я не могу. Просто беги. И ни в коем случае не давай ему касаться себя, слышишь? – напоследок бросила девушка и скрылась меж деревьев.

Я же словно приросла к тому месту, где стояла.

Сердце билось набатом. А перед глазами стояли красные пятна, и эхом звучал в голове голос: «Он погубит тебя».

Полночная звезда, и что же мне теперь делать?

Лаар

На сей раз обошлось малой кровью. Цветок пророс в густонаселенной местности, в черте города, и заметили его еще на стадии ростка. Так что справиться с напастью не составило труда, и Лаар вернулся в резиденцию уже к ночи второго дня. Уставший, немытый с дороги, он хотел скорее отправиться в купальню, а потом и к молодой жене – расслабиться.

Но в собственных покоях его ожидал гость. И не сказать, чтобы Лаар был этому гостю очень рад.

– Ты уже вернулся? – бросил он тар Сиришу, на ходу снимая походное обмундирование.

– Как видишь.

– Ну, и как съездил? Проводил наставника в последний путь? – Раан-хар усмехнулся.

А вот Ведающий оставался на удивление серьезен.

– Твоя ирония неуместна. И да, тар Грэль отправился на тот Берег.

– И ты пришел среди ночи, чтобы сообщить мне об этом?

Лаар наконец освободился от доспеха и следом стянул с пропотевшего тела тунику. Швырнул в дальний конец комнаты.

– И да, и нет, – спокойно ответил Ведающий, за многие годы службы у раан-хара привыкший к подобному тону. – Собственно, я хотел поделиться с тобой тем, что он сказал перед смертью. – Лаар даже остановился. Повернулся к собеседнику и внимательно посмотрел на того, ожидая продолжения. – В последние минуты тар Грэль уже был не в себе. Бредил. Но я думаю, он все же что-то видел. Он постоянно говорил о Цветке.

Раан-хар напрягся. Тар Грэль был сильным Ведающим. В былые годы он служил при самом императоре, и видения его частенько позволяли правителю принять единственно верное решение.

– Так вот... Он все время повторял, что Цветок несет смерть...

– Тоже мне открытие!

– ...И вместе с тем он даст жизнь.

– Что за бред? Этот твой Грэль к концу жизни, кажется, совсем спятил. – Лаар недовольно фыркнул и продолжил раздеваться.

– Я так не думаю. – Ведающий задумчиво почесал короткую бороду. – Цветок несет смерть, он же даст жизнь. Тут должен быть какой-то смысл... – вполголоса повторил он.

– Слушай, если это все, что ты хотел мне сказать, то будь добр продолжить свои измышления в другом месте. Я хочу искупаться. А еще моя дорогая супруга, кажется, заждалась...

Ведающий тут же вскинулся, будто вспомнил что-то важное. Лаар же сделал вид, что не заметил. Стащил оставшийся сапог и, проигнорировав собеседника, отправился в купальню. Тар Сириш направился следом.

– Кстати, по поводу новой жены. Я не хочу лезть в твою личную жизнь, Лаар, но ты бы поласковее с ней.

– Что, пожаловалась? Или уже успел повесить на нее свою цацку?

Раан-хар открутил вентиль с горячей водой и тут же сунул руку под тугую струю. Отер лицо, а следом обмыл и взмокшую шею.

– Не цацку, а оберег! – возразил старец, стараясь перекрыть шум льющейся воды. – И не делай вид, что не заметил его. Как и того, что браслет налился краснотой.

– Не присматривался. И вообще, что-то твои обереги еще никого не сберегли, – саркастично бросил раан-хар.

– Они имеют другое назначение, и вообще, мы сейчас не об этом. Лаар, ты взрослый мужчина, и не мне учить тебя, как обращаться с женщинами. Но то, что ты делаешь с этой девочкой... Она ведь совсем еще дитя. Нежная, ранимая и...

– А нечего привозить мне детей! – вдруг вспылил Лаар. – Нашел бы кого постарше! И поопытнее!

– Ты сам прекрасно знаешь, что это невозможно. Подходящих девушек очень мало. И нам очень повезло, что мы нашли хотя бы ее.

– Я рад. И, как ты заметил, с радостью пользуюсь твоим подарком.

Ничуть не смущаясь старца, Лаар скинул оставшуюся одежду и залез в купель. Откинул голову на полукруглый бортик, блаженно прикрыл глаза.

Ведающий нахмурился.

– Хочешь, чтобы она тебя ненавидела?

– Угу, пусть начинает прямо сейчас, – не открывая глаз, бросил раан-хар.

– Это нечестно, Лаар.

– Это честно! – вновь вспыхнул хозяин покоев. Во взгляде его сквозило раздражение, этот разговор начинал ему изрядно надоедать. – А нечестно – давать пустые обещания, ложную надежду и обманывать чужие ожидания! Я и не обманываю.

– Лаар...

– Что Лаар? Ты сам ее привез. Сам отдал мне. Теперь не лезь. Я буду делать то, что считаю нужным. И вообще, ехал бы ты сразу искать новую. А то жду по несколько месяцев, а потом выслушиваю претензии по поводу собственной несдержанности.

– Никуда я не поеду. Я нужен здесь. У этой девочки большой потенциал. Думаю, на этот раз все получится. – Ведающий говорил степенно и размеренно. Спокойствию его могла бы позавидовать и каменная глыба.

Раан-хара же подобный тон выводил из себя.

– О предыдущих женах ты говорил то же самое, – фыркнул он.

– Сейчас все иначе.

– А по-моему, ты просто дуришь меня, чтобы не мотаться по стране. Сидеть на нагретом местечке, поди, куда приятнее. Что, староват стал для моих поручений?

– При чем тут это? – Ведающий все же не сдержался и всплеснул руками. – Дело вовсе не во мне... Лаар, ты бы слышал, что говорят люди. Это уже двенадцатая девушка. У императора и то жен меньше. Ты даже не представляешь, какие домыслы ходят в народе! А представь, что скажут люди, если мы станем искать жен постоянно?

– Посмотрим, что они скажут, когда в империи не станет раан-хара, – угрожающе выдал Лаар.

– Мне не нравится твой настрой! Ты еще молод, и отчаиваться рано. И тем более не стоит вымещать свою злость на этой девочке. Загубишь ведь...

– Я так и так ее загублю, – выдохнул раан-хар и с головой погрузился в исходящую паром воду.

Глава 5

Я уже успела задремать, когда в покои ворвалась Хальди, растормошила меня и сообщила, что раан-хар вернулся во дворец.

Сон сразу как рукой сняло. Я испуганно вскочила с постели и вслед за наперсницей посеменила в купальню. Приезд раан-хара оказался неожиданностью, и, конечно же, я не была готова к встрече с ним. Ни физически, ни морально.

Остаток дня прошел в мучениях. Все никак не шло из головы предостережение той девушки. И чем больше я об этом думала, тем глубже проникал в душу страх.

Всеблагой Ошур, и почему она толком ничего не объяснила? Не сказала, чего конкретно мне стоит опасаться? Только ли дело в грубости раан-хара? Или, может, те красные пятна на теле девушки тоже результат знакомства с Лааром...

Мысли все крутились в голове, а я начинала мелко трястись, предчувствуя нашу встречу. Благо хоть традиционного купания с обмазыванием глиной и маслами удалось избежать. Я лишь быстро обмылась, просушила волосы полотенцем и, облаченная в шелковый халат, осталась ждать мужа в спальне. Хальди поспешила удалиться. И лишь с ее уходом меня окончательно поглотила паника. Все же при помощнице я старалась держать себя в руках. Улыбалась и разговаривала как ни в чем не бывало. А теперь, когда осталась одна, заметалась по комнате, словно загнанный в клетку зверь, совершенно не представляя, что предпринять.

Да еще Лаар не спешил приходить. И чем дольше я ждала, тем сильнее накручивала себя.

«Он погубит тебя, – звучал в голове предостерегающий голос. – Не давай ему касаться себя».

Знать бы еще, как этого избежать? В раболепскую позу я вставать была не намерена. Но даже и без этого знала, что раан-хар набросится на меня, как только почувствует запах. Он всегда принюхивался, когда заходил. И после с шумом втягивал воздух у моей шеи.

Стоило подумать об этом, как меня внезапно осенило: запах! Ну конечно! Если буду пахнуть неподобающе, Лаар меня не захочет и, стало быть, не станет трогать.

Идея показалась превосходной, и, толком не задумываясь о последствиях, я рванула к стенному шкафу. Где-то глубоко в его недрах хранились вещи, привезенные из Туэнга. Среди них отыскался и стеклянный флакончик с духами. Я аккуратно открыла крышечку, и по спальне поплыл нежный запах лесных ландышей. С удовольствием втянула любимый аромат, а потом капнула немного духов на палец. Мазнула по яремной впадинке, а потом еще чуть-чуть за ухом. Быстро закрыла крышечку и спрятала духи меж вещей. Заперла шкаф.

Вовремя. Почти в тот же миг входная дверь распахнулась, и на пороге возник Лаар. Я только и успела, что опрометью скользнуть к кровати и усесться на самый краешек. И тут же встала, встречая мужа легким поклоном.

Лаар притворил дверь, прошел в покои и через два шага потрясенно замер. Принюхался. Я видела, как часто раздуваются широкие ноздри, как он весь подбирается, словно зверь перед прыжком, а лицо его стремительно мрачнеет.

Мне понадобилось немало сил, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Еще больше понадобилось, чтобы ответить на следующий вопрос мужа:

– Чем здесь воняет?

– Прошу прощения... Я ничего не чувствую. – Показательно повертела головой по сторонам и постаралась изобразить полнейшее непонимание.

Помнится, в детстве, когда мои манеры были далеки от совершенства, я позволяла себе подобные шалости. Частенько водила доверчивую няню за нос – например, притворялась спящей, а сама среди ночи сбегала во двор или на конюшню, проведать свою любимую лошадку Звездочку. А вытворив какую-нибудь пакость, глядела на нее честными-пречестными глазами и уверяла, что совершенно ни при чем.

С возрастом я, конечно, поумнела, да и няня стала куда прозорливее, и с детскими проказами было покончено. И кто бы знал, что несколько лет спустя, во дворце самого Лаара ор Гронта, мне придется вспомнить былое.

Жаль только, раан-хар ничуть не походил на добродушную няню. И наверняка наказание от него можно получить куда строже, чем стояние на горохе. А значит, стоит сильно постараться, чтобы моя игра выглядела убедительно.

– Неужели? – угрожающе протянул мужчина и медленно двинулся на меня. – А по-моему, запах исходит именно от тебя!

– Ах, вы об этом!

Вскинула брови и как можно шире распахнула глаза, изображая удивление. Следом невинно улыбнулась, и кто бы знал, как тяжело далась мне эта улыбка. Под суровым взглядом мужа, глядящего исподлобья, хотелось сжаться в комочек. Или того хуже – опуститься на колени и повинно склонить голову. Но отступить было поздно.

– Это лесные ландыши. Мой любимый аромат, я привезла из Туэнга. Здесь наверняка таких нет, и я подумала...

– Разве тебя не предупредили, – резко перебил раан-хар, – что я не приемлю посторонних запахов?

– Ох... я... я, видно, запомнила... – А вот теперь настала пора повинно склонить голову. – Простите, раан-хар, этого больше не повторится...

– Разумеется, не повторится! – сквозь зубы прошипел он и резко подался в сторону. За несколько шагов пересек комнату и рывком распахнул дверь купальной.

Весьма красноречивое приглашение.

Раан-хар смотрел выжидающе, до меня же постепенно начала доходить вся глубина собственной глупости.

И с чего я только взяла, что, почуяв запах, Лаар уйдет? Ведь куда проще отправить меня мыться, чем ждать до завтра. С его-то нетерпением...

Полночная звезда, кажется, здесь, во дворце, я потеряла последние остатки здравомыслия.

Раан-хар ждал, и я послушно прошла в купальню. Вздрогнула, когда услышала, как сзади захлопнулись двери. Обернулась и наткнулась взглядом на стоящего за спиной мужчину.

О боги, он что, собрался смотреть, как я буду купаться?

От волнения мгновенно вспотели ладони, а по спине, напротив, прошелся холодок. Присутствие раан-хара заставляло нервничать. И ежедневная процедура омовения грозила стать настоящим испытанием для моего самообладания.

Переборов себя, аккуратно двинулась к купальной чаше и уже потянулась к вентилю, собираясь пустить воду, как Лаар неожиданно остановил:

– Так слишком долго.

Он вдруг схватил меня за запястье и потащил за перегородку, облицованную мелкой золотистой мозаикой. Прямо в халате втолкнул в небольшой закуток и крутанул вентиль. На голову хлынул дождь. Даже целый ливень из обжигающе-горячих тугих струй.

– Ай, горячо! – взвизгнула я, шарахаясь в сторону.

Лаар рыкнул какое-то ругательство и поспешил добавить холодной воды. Я облегченно выдохнула. Поначалу подумалось, что разозлившийся раан-хар сварит меня в кипятке. Слава богам, обошлось.

Текущая со лба вода застилала глаза, и я смахнула ее рукой, пытаюсь разглядеть, что происходит вокруг. Халат мой уже был насквозь мокрым. Тонкая ткань прилипла к телу, обрисовывая округлости фигуры и вызывая неотвратимое желание стыдливо прикрыться. Что я, собственно, и сделала, обхватив себя руками.

Зато Лаар был по-прежнему сухим и, держась поодаль от брызгающих во все стороны капель, неторопливо раздевался.

Полночная звезда, неужели же он собрался мыться вместе со мной?

В первый момент я запаниковала, совершенно не зная, чего ожидать от мужа и как себя вести. А потом мое внимание сосредоточилось на ином.

Невероятно, но за все время я ни разу не видела мужа обнаженным. Обычно он полностью гасил свет в спальне, да и брал меня всегда сзади, так что не было возможности рассмотреть его.

Зато теперь все было видно превосходно. И как бы сильно я ни боялась раан-хара, сколь бы сильно ни презирала, сейчас я не могла отвести от него глаз. Сердце прыгало в груди, словно ополоумевшее, а в горле, несмотря на висящую в воздухе влагу, пересохло.

Я тяжело сглотнула и скользнула взглядом по обнаженному мужскому телу. Крепкому, мощному, с литыми мышцами, что перекатывались под смуглой кожей. Взгляд прошелся по рельефному животу, а потом надолго задержался на левой руке. От самого плеча и до запястья руку раан-хара обвивала огромная татуировка – зелено-черная змея с раскрытой во всю ширь пастью. Словно готовящаяся вогнать острые зубы в мягкую плоть.

Еще одна татуировка была у раан-хара на ключице – вязь древних символов, складывающихся в какую-то замысловатую фразу. Но как я ни старалась, не смогла понять ее смысла.

Впрочем, очень скоро мне стало не до надписи. Муж принялся стаскивать брюки, а я почувствовала, как мучительно краснею. Щеки пылали от смущения, и даже лившаяся сверху вода не могла остудить этот жар.

Я попыталась отвести глаза. Сосредоточиться хоть на чем-нибудь постороннем. Но взгляд все равно возвращался к обнаженному раан-хару. Скользил по широкой груди, сильным рукам с проступающими жилами вен. И неотвратно останавливался на мужском достоинстве – столь внушительном, что мною вновь овладел страх. И немудрено, что мне было так больно. Я вообще слабо представляла, как смогла вместить в себя такое! И что-то подсказывало, что совсем скоро мне доведется пережить это вновь...

Разоблачившись, Лаар ступил под льющийся с потолка дождь и, прожигая меня голодным взглядом, дернул пояс халата. Стащил с моих плеч мокрую ткань, отшвырнул в угол. Потянулся к маленькой полочке, на которой покоились мыльные принадлежности. Взял щетку и флакон с мыльным раствором. Взбил густую пену.

Все движения его были неспешны и размеренны, и лишь только взгляд потемневших до черноты глаз выдавал истинные эмоции раан-хара да напрягшийся мужской орган красноречиво свидетельствовал о желаниях мужа.

Лаар схватил меня за плечо, резко развернул и, откинув со спины волосы, принялся собственноручно намыливать.

От такого поворота я, мягко говоря, растерялась. А еще поняла, что сильно ошибалась, когда думала, что омывальщицы хотят содрать с меня кожу. Их жалкие потуги не шли ни в какое сравнение с тем, с какой силой тер меня раан-хар. В каждом его движении чувствовались злость и нетерпение. Словно он смывал с меня не запах духов, а, по меньшей мере, чужие прикосновения.

Кожа между лопаток уже попросту горела, и льющаяся сверху вода вновь казалась обжигающе-горячей.

В какой-то момент я все же не выдержала.

– Больно, – пискнула приглушенно и подумала, что за шумом льющейся воды Лаар попросту меня не услышит.

Но нет, услышал!.

Остановился резко. Рука его, держащая щетку, замерла на моей спине. А потом щетка и вовсе исчезла, отправившись все в тот же дальний угол – и что за дурацкая привычка все швырять? Спины же коснулась большая мужская ладонь.

А то, что произошло дальше, пожалуй, не могло присниться даже в самом невероятном сне. Потому как Лаар ор Гронта вдруг стал намыливать меня руками!

Я чувствовала, как его скользкие от мыла ладони проходят по моим лопаткам, скользят по плечам. Обрисовывают контур бедер и гладят ягодицы. С нажимом проводят по животу, а потом спускаются ниже. Я судорожно стиснула ноги, пытаюсь хоть немного задержать наглые мужские руки.

Но раан-хара это лишь позабавило. Я услышала, как он хмыкнул над ухом и, все-таки пробравшись ладонью меж сведенных ног, принялся тщательно меня мыть.

Полночная звезда, неужели же он думает, что я и там могла подушиться? Или он просто так изощренно издевается?

Стоило об этом подумать, как пальцы раан-хара тронули какую-то крайне чувствительную точку, и я непроизвольно вскрикнула. Дернулась вперед – и чудом высвободилась из его объятий.

Правда, ненадолго.

Лаар тут же поймал меня за талию и дернул обратно к себе. Накрыв обеими ладонями холмики груди. Сжал с наслаждением и еще теснее прильнул ко мне сзади. Притерся пахом, в полной мере демонстрируя свою готовность. Пришлось выставить вперед руки и опереться на стену, чтобы не упасть от его напора.

Лаар, кажется, тоже подумал об опоре. Толкнул меня бедрами, заставляя сделать шаг вперед, и вовсе вжал в стену.

В отличие от горячей воды, настенная плитка была прохладной. От контраста температур по телу прошла волна дрожи. И тут же сменилась дрожью иной.

Я почувствовала, как мужской орган ткнулся в мое лоно. И снова чувство полной незащитности и вместе с тем безысходности охватило с головой.

– Сегодня обойдемся без масла, не против? – в самое ухо шепнул Лаар и надавил, сильно и вместе с тем плавно входя в меня.

Странно, но сухо на сей раз не было. То ли от того, что вокруг вода, то ли по другой, неясной мне причине. Да и привычной боли я не ощутила. Лишь противно скреблись кошки на душе – он опять брал меня сзади и вдавливал грудь в холодную плитку, не думая о том, что мне может быть неприятно. А потом в какой-то момент и вовсе намотал на ладонь мокрые волосы и потянул к себе, заставляя запрокинуть назад голову.

Тугие струи били по спине, вода лилась в лицо, застилая глаза и вынуждая дышать ртом, чтобы ненароком не захлебнуться. А Лаар все тянул на себя, вжимался в меня бедрами, издавая низкие рокочущие звуки. Дышал так часто, что казалось, сердце его вот-вот выскочит из груди. И без того горячий влажный воздух вокруг нас сгущался, и я сама уже с трудом дышала, вместо воздуха ловя губами мокрые капли.

Лаар низко утробно зарычал и содрогнулся всем телом, выплескиваясь внутри меня. А потом отпустил. Разжал руку, освобождая мои волосы, позволяя обессиленно прильнуть щекой к стене. Сам же ткнулся лбом в мое плечо, с трудом переводя дыхание. Мышцы его были по-прежнему напряжены. И отголоски минувшего наслаждения отдавались легкой дрожью в теле.

Я стояла, не смея шевельнуться. Ноги чуть подрагивали от напряжения, от неудобного положения занемела поясница, и хотелось потянуться, размять затекшие мышцы. Но я упрямо стояла, ожидая, пока раан-хар придет в себя, и раздумывала, что же будет дальше. Я была чеко уверена, что он захочет продолжить. Одного раза мужу всегда было мало. Оставался лишь вопрос: где? Здесь, под льющим на голову дождем, или все же в постели?

Раан-хар, как всегда, удивил. Отлепился от меня и, подобрав вещи, вышел вон из купальни. Кажется, даже вытереться не удосужился, так и ушел мокрым.

Я наскоро обмылась, стирая с себя следы недавней близости и, обернувшись в широкий лоскут ткани, осторожно выглянула наружу. В спальне мужа не оказалось. Кажется, ушел насовсем. По крайней мере, сегодня.

Облегченно выдохнула. Все же затея с духами оказалась не так безнадежна, как мне показалось поначалу. Да и Лаар сегодня был сам не свой. Гладил меня, трогал так, как не трогал никогда прежде. Будто приоткрылась маленькая щелочка, показывая кусочек чего-то настоящего. Истинных эмоций, истинных желаний.

А я впервые поймала себя на мысли, что толком ничего не знаю о муже. Не представляю, чем и как он живет. И если все останется как есть, то так никогда и не узнаю.

Утром проснулась от шуршания и шепотков, доносящихся из-за занавесей балдахина. На ночь я привыкла закрываться. Все же служанки приходят в покои рановато, а мне после визитов мужа всегда требуется отдых.

Но сегодня, хоть и легла рано, спала я плохо. Все время ворочалась. В голове крутились неясные образы, обрывки воспоминаний. Сны были тяжелые и муторные.

«Он погубит тебя», – эхом звучало в голове.

«Не давай ему касаться себя».

И словно в доказательство – красные пятна на нежной коже. Перепуганный взгляд той девушки. А ведь она еще так молода и красива. Отчего же так скоро стала ему не нужна? И причиной ли тому болезнь? Множество вопросов, словно назойливые осы, роились в голове. Жалили болезненно, сея в душе страх и сомнения. И пытливый мозг все старался найти выход, хоть крошечную лазейку, что поможет избежать незавидной участи.

Пытаться бежать? Глупо. Даже если сумею выскользнуть за пределы резиденции, одна в незнакомом городе я долго не продержусь. Просить помощи у Сириша? Тоже не имеет смысла. Наверняка он в курсе того, что здесь творится.

Захотел бы – давно помог.

Остается разве что Хальди. Она, конечно, во всем подчиняется раан-хару. Но в остальном моя наперсница девушка добрая, отзывчивая. И если не поможет делом, то, возможно, хотя бы расскажет, что знает. А уж я подумаю, как дальше быть.

С такой вот мыслью я и проснулась.

И каково же было мое удивление, когда Хальди, что привычно дежурила у моей постели в этот час, я не застала.

Вокруг же толпилось множество незнакомых служанок. Пара из них, увидев, что я проснулась, испуганно подскочила на месте. Я сначала не поняла такой реакции, а потом заметила, что стенной шкаф открыт и сумка моя, привезенная из дома, лежит на полу. А одна из девушек роется в ней.

– Что вы делаете? – непонимающе вскинулась и вновь попыталась отыскать глазами Хальди. Но среди многочисленных прислужниц ее не было.

Зато вперед выступила крупная, чуть полноватая дама. Кажется, она была одной из тех, кто готовил меня к смотрам.

– Доброе утро, рани. – Женщина чуть склонилась, остальные же вернулись к своим делам и обшариванию сумки в том числе.

– Что здесь происходит? И где Хальди?

– Раан-хар велел ее заменить. Теперь вашей наперсницей будет Ашта.

Рядом тут же возникла темноволосая девушка с густыми смоляными бровями, что явно нуждались в прореживании. Согнулась в низком поклоне.

– Но я не хочу новую наперсницу... – моргнула растерянно, еще не до конца понимая, что происходит. – Верните Хальди.

– Увы, но это распоряжение раан-хара. Не нам с ним спорить, – словно заученную фразу, произнесла старшая из служанок.

– А в моих вещах вы роетесь тоже по распоряжению раан-хара?

Я вскочила с постели и метнулась к своей сумке. Служанка, что рылась в ней, как раз добралась до флакона с духами, крепко сжала его в ладони и спрятала за спину.

Я требовательно протянула ладонь.

– Верни сейчас же!

Прислужница затравленно глянула на старшую.

– Извините, рани. Но от этого поручено избавиться.

Флакон мой перекочивал к дородной даме, и, не обращая внимания на мой гневный вид, она спрятала духи в складках хитона.

– Не смейте! – крикнула я.

Внутри бурлила совершенно не свойственная мне злость. А еще – обида и раздражение. Отчаяние вперемешку с решимостью. Будто отрывали от сердца самое дорогое, что у меня есть. Отчасти это и было так. Ведь вещи, привезенные из Туэнга, по сути, последнее, что у меня осталось в память о доме.

– Это моя вещь! Вы не имеете права! Только попробуйте его выбросить, и тогда я... я... обещаю, жизнь ваша будет несладкой!

Прислужница заколебалась. Толстые пальцы ее смяли неброскую ткань хитона, а сама она закусила губу, усиленно размышляя. Потом все же пошла на уступку:

– Хорошо, я передам флакон раан-хару. Если он сочтет нужным, вернет его вам.

Просто замечательно! Еще не хватало выпрашивать свои духи у Лаара!

Полночная звезда, неужели же мое слово в этом доме и вправду ничего не значит? Даже слуги и те позволяют себе мною командовать...

Служанки меж тем споро убрали учиненный беспорядок, сбились стайкой и дружно выпорхнули из покоев. Осталась лишь Ашта, застилающая мою смятую постель.

– Так где Хальди? – требовательно спросила я. В отличие от той дородной дамочки эта служанка выглядела куда более покорной.

Она тотчас повернулась ко мне, но в ответ на мой вопрос лишь пожала плечами. А я внимательнее присмотрелась к ней. Вроде выглядит как все служанки. Одежда простая, но опрятная, волосы собраны в тугую прическу, на теле никаких украшений. Но вот в ворота нижней рубахи мелькнуло темное пятно.

– Повернись.

Я отогнула край воротника, и взгляд мой сразу наткнулся на черную метку на шее девушки.

– Ты что, рабыня?

Ашта кивнула.

Прелестно...

Мало того, что моя прежняя помощница невесть куда пропала. Так еще в качестве новой наперсницы мне прислали рабыню! Неужели же раан-хар настолько меня не уважает?

– И что, много у раан-хара рабов? – поинтересовалась язвительно.

Конечно, девушка была ни в чем не виновата. Не ей оспаривать распоряжения Лаара ор Гронта. Но мне отчего-то дико хотелось нагрубить. Выплеснуть свои злость и раздражение.

Неважно на кого.

Ашта вновь промолчала и пожала плечами.

– Отвечай нормально! – вскипела я. – Или язык проглотила?!

Девушка потупила глаза, а потом вдруг начала интенсивно жестикулировать, пытаясь мне что-то... объяснить? Полночная звезда, она что же...

– Ты немая? – спросила потрясенно, а помощница усиленно закивала.

У меня не нашлось слов. Как, впрочем, и эмоций. Внутри все словно оборвалось, и осталась лишь одна обреченность.

Мало того, что меня забрали из дома, разлучили с родными и заперли в резиденции раан-хара, так теперь еще и лишили простого человеческого общения!

Неужели же Лаара так разозлила моя вчерашняя выходка с духами? Но ведь он все равно получил свое! Зачем же так сурово наказывать?!

Мною овладело какое-то странное оцепенение. Я не знала, что мне теперь делать и с кем говорить. Руки как-то разом опустились. Не хотелось ничего и никого видеть. Я интуитивно направилась в купальню, желая избавиться от общества новой помощницы. Та, разумеется, побежала следом.

– Не ходи за мной, – бросила, не поворачивая головы, но Ашта не послушалась. Вошла в купальню и принялась наполнять чашу.

Я же зашла за перегородку и крутанула вентиль. На голову тут же хлынул искусственный дождь. Я запрокинула голову, подставляя лицо мягким теплым струям. Стараясь отрешиться, забыть хоть ненадолго, где нахожусь. Расслабиться.

Но в голову, как назло, лезли совершенно ненужные воспоминания: сильные руки Лаара на моей талии, его ладони, скользящие по спине, жадные и в то же время ласковые, изучающие.

Странно, но я только сейчас поняла, что его прикосновения были мне приятны. Мне нравилось все, что он делал... делал до того, как прижал меня грудью к холодной плитке и занялся удовлетворением себя, любимого!

Всеблагой Ошур, чем только я провинилась перед тобой? Чем заслужила столь незавидную судьбу? Почему должна терпеть все эти мучения? И не ждет ли меня впереди еще более страшная участь?

Вопросов было множество, и, увы, ответа ни на один из них я не знала...

Немного успокоившись и придя в себя, я все же решилась выйти из покоев. Какой смысл сидеть взаперти, все равно это ничем мне не поможет.

С помощницей почти не разговаривала. Ее нечленораздельные мычания и бурная жестикуляция утомляли невероятно, а потому я сочла лучшим и вовсе помолчать. Уж лучше общаться с книгами, они хоть тоже не имеют голоса, но, в отличие от Ашты, умеют говорить...

Правда, до библиотеки я так и не добралась. Стоило выйти в просторную галерею, как мы с помощницей наткнулась на Ведающего.

– Здравствуй, дитя мое, – с привычной мягкой улыбкой поприветствовал старец. Протянул мне обе руки, и я послушно вложила в них свои ладони.

Тар Сириш тут же нахмурился, посмотрел на меня обеспокоенно.

– Что-то случилось?

Я хотела было ответить, что все в порядке и ему не о чем волноваться. Но язык словно прирос к нёбу. И очень вовремя вспомнилось, что Ведающий без труда распознает мою ложь. Да и не могла я беззаботно улыбаться, когда на душе так погано.

А потому, вместо того чтобы отделаться от расспросов старца, лишь усиленно закивала и как на духу выложила ему все, что стряслось. И уже даже не важно было, что подумает о том новая наперсница. Все равно она немая – даже если

захочет, не расскажет никому о моей слабости. А мне просто жизненно необходимо было выговориться!

– Ну что ты, милая, не стоит так расстраиваться. – Ведающий взял мою ладонь обеими руками и ободряюще сжал. – Я уверен, все поправимо.

– Правда? – Я отерла выступившую в уголке глаза слезинку. – Вы можете вернуть Хальди?

– Сам-то я вряд ли могу что-то сделать, все же это распоряжение раан-хара. Не мне с ними спорить. Но... – Ведающий развернулся и подхватил меня под локоть. – Мы могли бы с ним поговорить!

Что? Поговорить? С Лааром?

Я потрясенно уставилась на старца, но тот выглядел совершенно беспечным. Видимо, подобное для него было в порядке вещей.

– Уверен, Лаар все поймет и пойдет навстречу своей рани.

Тар Сириш повлек меня за собой, а я с ужасом думала о том, что мне придется вновь увидеться с мужем. И, возможно, даже говорить с ним. Впрочем, я очень надеялась, что эту роль возьмет на себя Ведающий.

В конце концов, я всего лишь женщина. Мой удел подчиняться. А вот ко мнению тар Сириша муж вполне может прислушаться.

Мы направились в западное крыло дворца, где, насколько я помнила, и располагались покои Лаара. Хальди в самую первую нашу прогулку приводила меня сюда. Но после я предпочитала в это крыло не соваться, потому сейчас меня не покидало ощущение, будто я здесь впервые. Все вокруг казалось новым и неизведанным, и оттого я еще больше начинала волноваться. Сердце грохотало в груди, и ладони привычно вспотели. А когда мы остановились у добротной двустворчатой двери, меня и вовсе пробила мелкая дрожь.

Тар Сириш хлопнул меня по ладони и добродушно улыбнулся. Двое стражников распахнули широкие створки, и, сглотнув вставший в горле ком, я перешагнула

порог.

Вопреки моим страхам, хозяина внутри не оказалось. Перед нами предстала просторная гостевая комната, выполненная в бордово-золотистых тонах. Совершенно пустынная и не сулящая никаких потрясений.

Я уже было порадовалась, что мужа нет и мы сейчас уйдем. Но Ведающий потянул меня в сторону, к одной из дверей, ведущих в смежные комнаты, и коротко постучал.

Не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую створку, и почти сразу я услышала недовольный голос Лаара:

– Что-то ты зачастил, Сириш. Или вспомнил еще что-то... – Раан-хар осекся, встретившись со мной взглядом: как я ни старалась, спрятаться за спиной Ведающего не вышло.

Странно, я думала, муж разозлится, увидев меня. Но лицо его приобрело заинтересованный вид, а сам Лаар даже отложил бумагу, которую до этого сосредоточенно изучал.

– Нет, ничего нового я тебе, увы, рассказать не смогу, – ответил Ведающий, заводя меня внутрь.

Комната эта оказалась рабочим кабинетом раан-хара. С левой стороны располагалось множество стеллажей, забитых книгами и рукописями. По правую же руку висела огромная, размером во всю стену, карта империи. Пожалуй, никогда прежде мне не доводилось видеть плана столь подробного и точного. А еще вся она была утыкана разноцветными флажками. Кое-где были даже приколоты крохотные клочки бумаги с какими-то заметками.

– А вот твоя дражайшая супруга хотела бы с тобой поговорить.

Я тут же забыла о карте. Сердце ухнуло в пятки, и почему-то вдруг стало тяжело дышать, будто в комнате разом закончился весь воздух.

Не ожидала, что тар Сириш вот так сразу даст слово мне. Или так и было задумано? Похоже, они тут все любители поиздеваться!

– Да? И о чем же? – Мне показалось или тон голоса Лаара стал язвительным?

Ох, и как тут говорить, когда он смотрит так пристально и колко. У меня от одного этого взгляда подкашиваются ноги. А язык и вовсе прирос к нёбу – не отлепить.

– Я слушаю, – поторопил хозяин кабинета и, скрестив руки на груди, оперся бедром на край письменного стола.

Полночная звезда, прошу, дай мне сил!

– Я... я хотела сказать... то есть спросить, – начала несмело. Но, хоть и с трудом, все же взяла себя в руки и закончила уже более уверенно: – Где моя наперсница?

Лаар усмехнулся.

– По-моему, она стоит как раз у тебя за спиной!

Я тотчас обернулась. За спиной у меня и впрямь стояла помощница – Ашта. Странно, я почему-то думала, что она осталась ждать снаружи. Совсем перестала замечать, что творится вокруг со всеми этими страхами.

На мгновение растерялась, позабыв, зачем сюда пришла. А Лаар глядел все так же выжидающе и, кажется, чуточку насмешливо. Конечно, не может же он не понимать, что я хотела узнать совершенно о другом. Наверняка специально притворяется, чтобы потешиться над своей пугливой рани.

Всеблагой Ошур, и когда я только успела стать такой? Робкой, нерешительной, зашуганной, словно трусливая мышь. Неужели же и слова ему сказать не посмею?

Бросила взгляд на Ведающего в поисках поддержки. Тот махнул рукой, мол, продолжай. Ну да, а что еще мне остается? Набрала в грудь побольше воздуха и

вновь заговорила:

– Я имела в виду свою прежнюю наперсницу – Хальди. Вы распорядились ее заменить. Не знаю, почему так произошло, но мне бы хотелось ее вернуть.

– Нет! – резко выпалил Лаар, заставив меня вздрогнуть.

– Но почему?

– Она не справляется со своими обязанностями, – отчеканил мужчина, а я поспешила встать на защиту наперсницы. Уж не знаю, за что конкретно Лаар ее невзлюбил, но не хотелось, чтобы девушку наказали.

– Уверяю вас, она прекрасно со всем справляется и полностью меня устра...

– Если все так прекрасно, тогда расскажи мне, как ты оказалась в дальнем конце сада, куда ходить было не велено?

Сердце пропустило удар. О боги, так он знает?! Но меня же никто не видел! Я проверяла. Разве что та девушка, Мелира, вдруг обмолвилась...

– Думаешь, если меня нет рядом, я не знаю, где ты и чем занимаешься? – меж тем продолжил муж. И тон голоса его не сулил ничего хорошего. – У меня сотни глаз и ушей, малышка. Повсюду, во дворце и за его пределами. И если тебе кажется, что рядом никого нет, это не значит, что за тобой не наблюдают, поняла?

– Да, мой господин. – Я повинно опустила глаза в пол. Краем глаза заметила, как задумчиво и вместе с тем хмуро глядит тар Сириш. – Прошу простить мне мою неосторожность. Я залюбовалась садом и случайно зашла слишком далеко.

– Избавь меня от своих объяснений. Мне неинтересно. Я всего лишь хочу, чтобы мои распоряжения в точности исполнялись. Надеюсь, впредь у тебя не будет с этим трудностей?

Я, конечно же, согласилась, и на этом наш разговор был завершен. После всего случившегося спрашивать у раан-хара про духи просто не осмелилась. Так и

ушла ни с чем, в который раз пожалев, что вообще посмела к нему явиться. Впрочем, теперь я хотя бы знала, что за мной следят. А значит, впредь поостерегусь делать глупости.

Лаар

Подобной дерзости Лаар не ожидал. Уж от кого от кого, а не от этой тихой мышки. А ведь казалась такой покорной, такой покладистой. Так нет же – пожаловалась Сиришу.

А ее выходка с духами?

Конечно, Лаар ни на секунду не поверил в то, что это была случайность. Проверила его реакцию? Хотела избежать исполнения супружеского долга?

Смешно, право слово!

И следовало наказать девчонку. Вот только в своем желании проучить Лаар свернул совсем не туда. Поддался соблазну. А потом ругал себя остаток ночи.

В любом случае за девчонкой стоило присмотреть – как бы чего не выкинула. Правильно сделал, что приставил к ней рабыню. Та, в отличие от вольной, точно не позволит себе ни на шаг отойти от рани.

– Она действительно ходила в дальний конец сада? – неожиданно вырвал из размышлений голос Ведающего – Лаар почти успел забыть о его присутствии.

– Да, один из моих стражей видел ее вблизи женской части.

– Так она заходила туда? Видела кого-то?

– Не знаю. – Лаар дернул щекой. – И вообще, чего ты спрашиваешь? Кто из нас Ведающий? Выведай! Тем более, как я посмотрю, вы изрядно сблизились...

– А ты ревнуешь? – Тар Сириш усмехнулся, но раан-хар на его подколку не отреагировал. Лишь отвернулся, не желая продолжать разговор. – Знаешь, приставить к девушке немую совсем уж не по-людски... Она же так и говорить разучится.

– Вот и прекрасно. Я, знаешь ли, предпочитаю, когда женщина молчит. А рот открывает только для того, чтобы сделать приятное мне!

Тар Сириш лишь сочувственно покачал головой. Он и правда видел куда больше, чем остальные люди. И даже в переменившемся настроении раан-хара мог распознать начало грядущих перемен...

Глава 6

Следующие несколько дней я не находила покоя. Тяжелые думы все никак не шли из головы. И мыслями я постоянно возвращалась к незнакомке, что поймала меня в саду.

«Он погубит тебя», – звучало в голове ее предостережение, а сама я понимала, что оно уже начало сбываться.

По крайней мере, чувствовала я себя отвратительно. Нет, на здоровье жаловаться не приходилось. Но никогда еще мне не было так одиноко и муторно. Тоска, появившаяся после ухода Хальди, острыми клыками вгрызалась в душу и грозила выжечь меня изнутри.

Да еще тар Сириш, единственный, с кем я могла свободно говорить, как назло, отлучился по делам, лишив меня даже этой крохотной радости в жизни.

Цветущий сад больше не восхищал, разноцветные карпы не радовали глаз, а трели певчих птиц не ласкали слух. Все приелось, стало безразличным и блеклым.

Раан-хар был по-прежнему холоден со мной. И хоть приходил регулярно, редко когда задерживался на всю ночь. Видимо, охладел, насытился моим телом. И с

одной стороны, я была этому рада, а с другой – боялась, что вскоре меня настигнет участь других жен. И от этой мысли было совершенно невыносимо...

И вскоре я поняла, что выход у меня лишь один – бежать из дворца!

С каждым днем эта идея, что прежде тлела крохотным огоньком внутри, разгоралась все ярче, вытесняя все остальные мысли и эмоции.

И хоть я и вела себя смирно, демонстрируя полную покорность, каждый день, каждую свободную минутку я старалась использовать, чтобы как можно больше узнать о резиденции. Узнать о местных порядках, здешних обитателях, а главное, понять, если ли шанс сбежать из этой золотой клетки.

Территорию резиденции опоясывала каменная стена в два моих роста. В принципе, высота не большая. В юности я любила лазать по деревьям и, помнится, забиралась куда выше. Только вот на стене, в отличие от деревьев, веток нет. А забраться по гладкой поверхности, как ни крути, невозможно. Для меня так точно.

О том, чтобы выскользнуть через ворота, и речи не шло. Что парадные, что западные врата находились под неустанной охраной стражей раан-хара.

Все, что оставалось, – изучать неприступное строение, обходя метр за метром, в надежде найти хоть какую-то лазейку. Вот только сделать это, не вызвав подозрений, было крайне трудно.

Ашта буквально следовала за мной по пятам. А еще я помнила предупреждение раан-хара, что за мной следят. И теперь за каждым поворотом, за каждым кустом мне мерещились чужие тени. Но сколько ни оглядывалась, сколько ни пыталась поймать взглядом хоть кого-то, так ничего и не вышло. Видимо, это была всего лишь игра воображения. А вот часовые, что обходили владения раан-хара, были реальнее некуда.

Я впервые заметила их вблизи западных ворот. И потом еще много раз наблюдала из окон читальной комнаты, что как раз выходили к площадке для построений.

– Ашта, ты не могла бы принести мне манускрипт по истории империи Семи Рек с четвертого по седьмой век, – просила я помощницу, каждый раз выбирая одну из книг, что покоились на верхних полках библиотеки.

Я успела неплохо изучить каталог и нарочно гоняла Ашту, чтобы выкроить время для своих наблюдений. И на маленьком листочке остро заточенным грифелем делала пометки и вскоре уже точно знала, сколько времени требуется стражам на обход по границам владений, в какие часы происходит смена караула и другие мелочи, которые впоследствии могли бы мне пригодиться. Листочек с записями я прятала в одной из книг, которую, уходя из библиотеки, лично ставила на полку. Книга эта являла собой сборник народных сказаний, из тех, что часто читают детям перед сном, и я здраво полагала, что ни раан-хар, ни кто другой из его свиты подобной книгой не заинтересуется.

Лазейка в стене тоже нашлась случайно. Точнее, не в самой стене, а на ее поверхности. Однажды мы с помощницей гуляли близ искусственного водопада. Сделан он был таким образом, что прямо за стеной воды располагалось небольшое углубление вроде пещерки, и зайти туда было можно, даже не намокнув. Вода стекает по большому плоскому камню над головой и с шумом падает в купель. При желании из укрытия можно дотянуться до ледяных струй или вовсе подставить спину и хорошенько ополоснуться.

Что я, собственно, и сделала.

Только вот протянула не руку, а ногу. Чуть приподняла подол и коснулась мыском воды. Ледяные брызги полетели во все стороны. Водой обдало и меня, и Ашту. Девушка испуганно охнула. Я же рассмеялась, словно ребенок, радуясь своей выходке. В иной ситуации мне бы стало стыдно за такое поведение, но сейчас было откровенно плевать. Ашта все равно меня не выдаст. А вот промокший насквозь подол сареи был отличным поводом, чтобы изучить ближайшие кусты под предлогом смены наряда.

Помощница, увидав, что я насквозь промокла, сразу потащила меня прочь от водопада и, активно жестикулируя, всеми силами попыталась уговорить меня вернуться во дворец. Но я сделала вид, что не поняла ее намеков, – все же были свои плюсы в том, что наперсница немая. И вместо того, чтобы отправиться сушиться в свои покои, повлекла девушку прочь с дорожки, в густые заросли какого-то кустарника.

– Ничего страшного. На таком солнце я вмиг высохну. Надо только ткань отжать. Я вот тут спрячусь, чтобы никто не увидел ненароком, а ты покарауль, – и с этими словами я принялась раскручивать сареи.

Аште оставалось лишь подчиниться – не потащит же она меня в неглиже обратно на людные дорожки! И пока девушка хмурилась и охала себе под нос, отжимая промокшую ткань моего наряда, я внимательно глядела по сторонам. До стены отсюда было рукой подать – светлая, оштукатуренная поверхность проглядывала меж тонких стволов садовых деревьев. И тут я заметила нечто необычное.

Часть стены была раскрашена яркими красками, но понять отсюда, что там изображено, не получалось. А потому, как только Ашта закончила выжимать ткань и помогла мне облачиться в сареи, я поспешила удовлетворить свое любопытство.

– Ах, что это там?! – воскликнула делано-удивленно и кинулась к рисунку.

При ближайшем рассмотрении это оказалось даже не рисунком, а яркой объемной лепкой, изображавшей красно-золотого водяного дракона. Такие традиционные изображения и барельефы у нас называют Хранителями. Они призваны оберегать обитателей дома, отводить от него беды. В моем родном замке на одной из стен красуется огромный усатый сом. Цветной и выпуклый – он всегда привлекал мое внимание. Ребенком я любила подолгу смотреть на него, ощупывать искусно вырезанные чешуйки. В моем родном Туэнге Хранителями чаще всего выступают крупные рыбы. Здесь же, на юге, куда более распространены водяные драконы или зубастые кайманы.

И конкретно этот дракон стал моей находкой. Я провела рукой по гибкому каменному телу, ощупывая выпуклости барельефа. И пусть выступы не такие уж и большие, но если постараться, вполне можно зацепиться и даже есть куда поставить ногу.

Внутри загорелся радостный огонек. Кажется, сама судьба благоволит моему решению! Остается лишь выбрать момент для осуществления созревшего в голове плана.

Лаар

– Я слушаю, – кинул Лаар, даже не глядя на девушку, что в полночный час неуверенно топталась на пороге его кабинета.

– Что именно вы бы хотели знать, раан-хар?

Лаар с трудом сдержал тяжкий вздох.

И почему ему постоянно нужно все объяснять? Неужели так трудно самой сообразить и кратко выдать нужную информацию? Не задерживая ни себя, ни тем более его.

– По-моему, я приставил тебя к своей жене с конкретной целью. Или забыла?

– Что вы, господин. Я помню, – чересчур поспешно выпалила служанка. – Вы велели не спускать с рани глаз и докладывать обо всех подозрительных вещах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/olga-kandela/yad-v-ego-krovi-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)